

Школа в Пасковой Воле

Френсин Паскаль

Любовная горячка
Одинокая
в толпе

Фрэнсин Паскаль
Одинокая в толпе
Серия «Школа в Ласковой
Долине», книга 28

OCR Roland; SpellCheck Аваричка
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159066
Любовная горячка; Одинокая в толпе: Вагриус; Москва; 2004
ISBN 5-264-00597-4

Аннотация

Сестры Элизабет и Джессика ссорятся и мирятся, влюбляются в одноклассников и мучаются от неразделенной любви, участвуют в веселых мероприятиях и попадают в опасные ситуации.

Скромная и некрасивая Линн Генри мечтает стать певицей. Но шансы девушки равны нулю, ведь для всех она – лишь скромная тихоня.

Содержание

1	4
2	16
3	26
4	37
5	48
6	59
7	67
8	76
9	87
10	99
11	108
12	122

Фрэнсин Паскаль

Одинокая в толпе

1

– Послушайте, ребята, – сказала Джессика Уэйкфилд, отодвигая стул и вскакивая из-за стола с горящими от возбуждения голубовато-зелеными глазами. – Я наконец-то придумала идеальный способ, как собрать деньги для нашей команды болельщиц. Он настолько идеален, что я войду в историю.

– Довольно лишь болтать о том, чтобы войти в историю, – тяжело вздохнул Уинстон Эгберг.

Этот высокий долговязый парень был всем известен как клоун школы Ласковой Долины, и у него всегда была заготовлена шутка.

– Мне сразу после обеда надо идти сдавать историю мистеру Феллоузу, – продолжал он, делая вид, что рвет на себе свои темные волосы. – Так что, если ты, Джес, собираешься войти в историю, делай это побыстрее. Мне срочно нужно набраться знаний по истории.

Все сидящие за столом охнули.

– А что ты придумала, Джес? – спросила, улыбаясь сестре, сидящая на другом конце стола Элизабет.

Для нее видеть сестру-близнеца, светящуюся от вдохно-

вения, было все равно что смотреть на загорающуюся лампочку. Хотя годы общения с Джессикой научили Элизабет тому, что сестра часто теряла голову и что ее увлеченность и горячий пыл доводили ее до неприятностей, она все равно заражалась возбуждением Джессики.

«Смешно», – подумала она, наблюдая, как загорается лицо Джессики, готовящейся рассказать о своей идее сидящим за столом одноклассникам.

По внешнему виду обе сестры были зеркальным отражением друг друга. Однако, если судить по характерам, то трудно было поверить, что они родственницы.

Обе шестнадцатилетние двойняшки были стройны, как манекенщицы, с блестящими светлыми волосами, выбеленными калифорнийским солнцем, и с широко расставленными зеленовато-голубыми, цвета воды в Тихом океане, глазами. Но глаза Элизабет напоминали Тихий океан в спокойный и безоблачный день. А у Джессики они часто вспыхивали и штормили. И, хотя Элизабет была лишь на четыре минуты старше сестры, ей иногда казалось, что у них разница в четыре года.

«Джессика такая импульсивная, такая непрактичная», – думала Элизабет. Она в мгновение ока влюблялась и разлюбливала, приводя в смятение толпу поклонников, а ее интерес к различным хобби бывал в равной мере страстным и недолговечным. Она целиком отдавалась очередному увлечению, например кулинарии, а через несколько недель пол-

ностью о нем забывала. Элизабет же, напротив, точно знала, чему она хочет посвящать свое свободное время: писательству. Именно поэтому она часами после уроков трудилась над школьной газетой «Оракул», в которой вела колонку «Глаза и уши», знакомящую одноклассников с последними сплетнями школы Ласковой Долины.

– Нам нужно что-то действительно новое, – говорила в это время Джессика, стряхивая с плеч свои шелковистые волосы. – Именно об этом мы говорили на последнем собрании. Правда, никто ничего интересного не предложил.

– Правильно, – вторила ей Кара Уокер, вдумчиво глядя своими карими глазами.

Симпатичная темноволосая Кара тоже была членом команды болельщиц.

– Нам действительно нужны деньги, – добавила она. – Необходима новая форма. Нынешняя превратилась почти в лохмотья.

– Не могу не согласиться, – поддержала Лила Фаулер, сделав гримасу и поправив свои светло-каштановые волосы.

– Может, создадим Фонд Фаулера по обновлению формы? – лукаво выдал Уинстон.

Лила свирепо посмотрела на него. Она терпеть не могла, когда намекали на то, что ее отец был одним из богатейших людей в Южной Калифорнии.

– Это серьезно, Уинстон, – холодно сказала она. – Не надо грубостей. Кроме того, – добавила она, надув губы, – я уве-

рена, что папа скажет, что девочки из команды болельщиц должны сами зарабатывать деньги. Он говорит, что это способствует становлению характера.

Элизабет еле-еле сумела подавить смешок, особенно когда увидела выражение лица Инид Роллинз, – что-то между гримасой и ухмылкой: Инид была самой близкой и доверенной подругой Элизабет, и обе они знали, что Лила никогда в жизни не работала.

– Так что ты придумала, Джес? – вступила в разговор Кара. – Надеюсь, это что-то дельное. Во всяком случае, подача у тебя высокая.

– Ну, посмотрите, что вы об этом думаете? – драматично начала Джессика, отступив от стола и раскинув руки, как будто выступала в спектакле. – Эстафета на креслах-качалках в спортзале. Все девушки из команды будут по очереди качаться в креслах, и мы будем заранее регистрировать пожертвования за каждые полчаса качания в креслах. Это будет сенсация, самое необычное мероприятие по сбору пожертвований за все годы!

Кара нахмурилась:

– Кресла-качалки? Джес, ты, по-моему, рехнулась! Это так... – она на какой-то момент задумалась, – странно!

– Не порти нам впечатление, – с упреком сказала Джессика. – Это будет великолепно! Мы можем взять старые кресла-качалки у родителей и будем по очереди качаться, а остальные... – она на несколько секунд задумалась, – будут

веселиться на празднике, который мы в это время организуем! – триумфально завершила она.

– Какой еще праздник? – Инид была заинтригована.

– Мы назовем это эстафетой «Качаемся без перерыва»! – воскликнула Джессика с веселым огоньком в глазах. – Может быть, мы уговорим «Друидов» играть у нас. Это будет как школьные танцы, только в миллион раз лучше.

Уинстон сделал вид, что без сил валится на стол.

– Помилуй, Джес, мы только-только закончили с твоим фантастическим пикником. Нам нужен отдых!

Джессика рассмеялась. Уинстон упомянул пикник, который она организовала в рамках празднования столетнего юбилея Ласковой Долины. Празднование имело большой успех, и Джессика гордилась тем, как хорошо прошел ее пикник.

– Я думаю, что эстафета – прекрасная идея, – поддержала сестру Элизабет. – Она несомненно оригинальна. Кроме того, бьюсь об заклад, что «Друиды» будут счастливы найти предлог выступить в ближайшее время на большом сборище. Вы слышали, они собираются объявить конкурс, чтобы найти для себя новый шлягер?

Инид удивленно подняла брови. «Друиды» были одной из самых популярных местных рок-групп и, хотя участники ее учились только в девятом классе, довольно известной.

– Я слышала, как об этом говорил Гай Чесни, – сказала Джессика, плюхаясь обратно на стул и откусывая яблоко. –

Он сказал, что хочет найти какую-то новую песню, которая стала бы их автографом. Он сказал, что великая песня может создать рок-группу.

– Это точно, – согласилась Инид. – Хорошая песня – это все, что нужно.

– Ну, и когда будет эта великая эстафета «Качаемся без перерыва»? – поинтересовался Уинстон, перестав смотреть в свою тетрадь.

Джессика фыркнула.

– Похоже, никому из вас это не интересно, – горько сказала она. – Если даже мои собственные друзья, мои товарищи по команде не со мной... – добавила она, покосившись на Кару.

– Джес, это великолепная идея, – тепло сказала Элизабет. – Будь уверена, мы все внесем жертвования, правда, ребята?

– Конечно! – поддержали все. Джессика успокоилась.

– Думаю, надо постараться провести это поскорее. Деньги нужны прямо сейчас, и, если все в нашей команде будут участвовать, мы вполне могли бы организовать это через неделю. Что вы думаете насчет следующей субботы?

Элизабет рассмеялась. Ей всегда было интересно наблюдать организационную тактику сестры в действии.

– Зачем спрашивать нас? – заметила она. – Лучше спроси у «Друидов», смогут ли они выступить, и узнай у администрации насчет спортзала.

– Спасибо за подсказку! – воскликнула Джессика, снова вскакивая из-за стола. – Хорошо иметь гениальную сестру-двойняшку!

В следующую секунду она умчалась, рванув с такой скоростью, что чуть не врезалась в идущую ей навстречу с опущенной головой девушку.

– Осторожно! – крикнула Джессика, раздраженно мотнув головой, и удалилась в направлении учительской.

– Лиз, как ее зовут? – негромко спросила Инид, наклонившись вперед, чтобы лучше рассмотреть девушку, которая подняла голову, огляделась вокруг с выражением смущения на лице, затем вновь опустила голову и медленно пошла к столику.

– Ее зовут Шерри, не правда ли? – спросил Уинстон.

Элизабет нахмурила брови:

– Нет, не Шерри. Ее имя Линн Генри. Она тихоня такая.

В последнее время Элизабет не раз замечала эту высокую замкнутую девятиклассницу и задавалась вопросом о том, что она из себя представляет.

– Линн Генри! – воскликнула Инид, щелкнув пальцами. – Я ее все время встречаю, но не могу вспомнить имени. У нас с ней два общих урока, но она никогда слова не вымолвит. Она как привидение. Как-то «заплывает» в класс за минуту до начала урока, сидит тихонько на своем месте и уходит со звонком. Она ни с кем никогда не говорит.

– Думаю, у нее совсем нет друзей, – печально промолвила

Элизабет.

– Она не выглядит особо располагающей, – пренебрежительно сказала Лила. – Не могу себе представить, кто захочет дружить с такой.

– Лила, – пристыдил ее Уинстон, – неужели в тебе нет ни грамма доброты?

Лила скорчила гримасу:

– Да ты посмотри на нее. Она ведь просто сидит, уставившись в свой сандвич, как будто она из другого мира.

Элизабет посмотрела туда, куда глядела Лила. И правда, Линн Генри сидела, опершись локтями о стол, без всякого выражения на лице.

Элизабет почувствовала, как по ее телу пробежала легкая дрожь.

– Она, должно быть, одинока, – мягко сказала она, наблюдая, как девушка откусила кусок сандвича и начала автоматически его жевать, как бы не замечая вкуса.

Элизабет не могла представить себе, как это можно обедать одной, сидя в наполненном болтающими и смеющимися школьниками кафетерии.

Однако выражение лица девушки было совсем неприветливым, просто каменным. Элизабет стало интересно, о чем это она может думать. Со вздохом Элизабет повернулась обратно к друзьям, продолжая думать об этой девушке, но лишь вполуха слышала, что рассказывал Уинстон про свой экзамен по истории. Думала она о Линн Генри.

«Главное, – размышляла Линн, – это вести себя так, как будто мне все безразлично. Если я смогу это, то все будет хорошо».

Она терпеть не могла обеденные перерывы. В остальном день был ничего – ничего выдающегося, но и ничего ужасного. Она приучила себя к школьному ритму, и ей удавалось прожить весь день в школе, как будто во сне. А иногда это так ей и казалось.

Но обеденный перерыв был ужасен. Ей было неудобно одной становиться в очередь в кафетерии. Все вокруг поджидали друзей, шутили, болтали. Но никто ничего не говорил Линн. Как будто она была невидимой.

Линн открыла коричневый бумажный пакет, который приготовила для нее мать, и автоматически развернула сандвич. Она откусила кусочек, при этом напомнив себе, что, чем скорее она доест сандвич, тем быстрее сможет вернуться в библиотеку. Если бы библиотекарь позволил ей, она там бы и обедала. Но приносить еду в библиотеку было запрещено.

«Обеденный перерыв предназначен для отдыха, – с улыбкой сказал ей однажды библиотекарь. – Пойди лучше пообщайся с друзьями!»

«А что я должна была на это ответить? – грустно подумала Линн, нахмурившись и положив сандвич на тарелку. – Что у меня нет друзей? Что я – никто?»

До того как Линн начала учиться в старших классах, она в действительности так не считала. Она уговаривала себя, что,

как только она станет чуть постарше, окружающие перестанут обращать столько внимания на то, кто как выглядит, кто принадлежит к «надлежащей» компании и тому подобное.

Но теперь, когда Линн перешла в девятый класс, у нее уже не было никаких иллюзий. Никто не хотел с ней дружить. Никто даже не замечал ее существования! Она просто как будто растворилась на заднем плане.

Снова взявшись за свой сэндвич, Линн вспомнила, как неделю назад на уроке английского языка мистер Коллинз прочитал вслух стихотворение. Ей нравился английский язык, и ей нравился мистер Коллинз. Он был похож на кинозвезду. Он был рыжеватым блондином с теплой улыбкой и очень молод. Его все любили. Но что еще важнее, он несколько раз похвалил Линн, написав хорошие слова в конце ее сочинений. Однажды он написал, что у нее, похоже, врожденная склонность к писательству. После этого она несколько дней как будто светилась. Если бы он знал, как много это для нее значило!

Но у нее все равно появился горький привкус во рту, когда она вспомнила голос мистера Коллинза, зачитывавшего вслух стихотворение Эмили Дикинсон:

Я никто! А кто есть ты? Может быть, и ты никто?

Она сразу выпрямилась на стуле, вырванная из дневной дремы, с учащенно забившимся сердцем.

«Я никто! А кто есть ты?»

Как будто мистер Коллинз нашел ее дневник и зачитал его

вслух. Эти строки могла написать она. Как будто это говорил ее внутренний голос.

Мистер Коллинз продолжал читать, глубоким голосом вдыхая жизнь в стихи. Затем он положил книгу на стол и спросил учеников, что они об этом думают. По очереди стали подниматься руки, высказываться мнения. А Линн просто сидела и молилась о том, чтобы побыстрее прозвенел звонок. Она никогда так ужасно себя не чувствовала.

«Я никто, – все время думала она. – Какие гнетущие слова. Как Эмили Дикинсон могла написать такое?»

Больше ничего из того, что говорил мистер Коллинз, Линн не слышала. Она вновь погрузилась в дрему, представляя, что находится дома, в своей спальне, и играет на гитаре за закрытой дверью. Она практически чувствовала струны пальцами. Линн обожала гитару. Когда она играла, она не ощущала себя «ником».

Но еще предстояло дожить до конца обеденного перерыва и до конца длинного, медленно тянущегося дня, чтобы потом сесть в автобус и отправиться домой. Линн вновь положила сэндвич на тарелку, глаза ее наполнились слезами.

– Линн! – окликнул мужской голос, прервав ее грезы.

Глаза Линн расширились от неверия, сердце ее, застучало. Обернувшись, она увидела красавчика Кита Уэбстера, нападающего баскетбольной команды, отчаянно машущего рукой из противоположной стороны зала. Ей? У нее пересохло во рту, и она начала вставать со стула.

– Иду, дурачок! – отозвался из-за спины высокий голос, и старшеклассница Линн Джекобс с блестящими черными волосами и цветущим лицом перебежала столовую и взяла Кита за руки.

Линн опустилась обратно на стул с побелевшим лицом. Почему она позволила себе обмануться? Ведь она не Линн. Она никто.

2

Толпа, ожидавшая автобус, казалась еще более оживленной, чем обычно, во всяком случае, так показалось Линн, которая одиноко стояла в сторонке с рюкзаком на плече, опустив голову к тротуару.

– Потанцуй со мной, Кэролайн! – промурлыкал Уинстон Эгберг, галантно выступая вперед и приветствуя Кэролайн Пирс шутливым кивком головы.

Рыжеволосая девушка захихикала.

– Перестань, Уинстон, – произнесла она сладко, явно довольная вниманием.

– Я серьезно, – запротестовал Уинстон. – Давай станцуем танец «Я жду автобус». Это один из моих любимых.

Продолжая хихикать, Кэролайн взяла Уинстона за руку, и они предприняли легкую попытку повторить движения, которые изучали в танцевальном зале в прошлом году. Оба рассмеялись.

Толпа начала аплодировать.

– Это Уинстон, – сказала одна из старшекласниц, беря своего ухажера за руку.

– Мадам, ваша золотая колесница подана, – сказал, обращаясь к Кэролайн, Уинстон, снова кивая головой и указывая в сторону желтого школьного автобуса.

Сердце Линн забилось. Глупо, конечно, раздувать такую

банальную вещь, как поездка домой на автобусе. Но она ненавидела эти поездки. Казалось, что у всех, кроме нее, было с кем сидеть. Это напоминало игру, в которую они играли в детстве. Когда музыка прекращалась, все сразу садились на места. Все, кроме проигравшего. Лишний выбывал.

А в данном случае лишняя Линн вдруг решила, что впредь она будет ходить в школу пешком. Она больше не могла выносить этого.

Вскоре автобус заполнился смеющимися и весело болтающими школьниками. Линн со вздохом уселась у окна, положив рюкзак на колени.

«Осталось еще только десять минут, – сказала она себе. – Потом я буду дома, и еще один длинный день будет прожит».

Линн едва обратила внимание на Кэролайн, которая села рядом с ней, еле удерживая в руках учебники и тетради. Линн смотрела в окно, сморщив от напряжения лоб. Иногда даже в шумном, заполненном автобусе Линн могла так сконцентрироваться, что слышала музыку, звучащую в ее голове. Не ту музыку, которую она знала, а начало чего-то, новую песню. Это было ее секретом и помогало переносить одиночество.

«Если бы люди узнали об этом, они надсмеялись бы надо мной, – смущенно думала она. – Но никто ничего не узнает!»

С тех пор когда она была маленькой девочкой, Линн мечтала только об одном: стать знаменитой сочинительницей песен. Раньше она вечно умоляла маму разрешить ей занимать-

ся музыкой. Она всегда что-то себе напевала, сочиняя маленькие песенки в ванне или на прогулке. Она любила петь. А ее учитель пения сказал, что у нее есть талант! В детстве Линн хотела быть и автором песен, и исполнителем. Она мечтала о том, как поднимется на огромную сцену и будет петь песню за песней, завораживая аудиторию.

Но, повзрослев, Линн поняла, что никогда не поднимется ни на какую сцену. И никто не будет аплодировать ее выступлению. Одно дело фантазировать, будучи ребенком, гадким утенком.

«Но этот утенок так никогда и не превратился в лебедя, – мрачно напомнила она себе. – А превратился в гадкую утку. А кто захочет заплатить деньги за то, чтобы увидеть на сцене гадкую утку?»

Линн знала, что не обманывает себя, а просто мыслит объективно. Каждый раз, когда она смотрелась в зеркало, ей хотелось плакать. Все в ней было таким некрасивым – некрасивые светло-каштановые, в завитушках волосы. Непонятный цвет лица. Нос чуть длинноватый. Подбородок чуть излишне выдающийся. Когда все другие девочки оформились в седьмом и восьмом классах, приобретя выпуклости в нужных местах, Линн только еще больше вытянулась и похудела. Она возвышалась над всеми девушками в классе, из-за чего ощущала себя каким-то уродом. Понятно, отчего она сутулилась. Мать вечно учила ее держаться прямо, как будто это нормально для человека ростом под метр восемьдесят

без каблуков.

В момент, когда автобус выезжал со стоянки, Линн тяжело вздохнула. Она подумала, что матери легко говорить. Она тоже была высокой, но при этом потрясающе красивой – стройная, грациозная, с шелковистыми черными волосами, всегда подстриженными по самой последней моде. Это было слишком гнетущим, чтобы об этом даже говорить. Что еще хуже, мать сделала себе карьеру на красоте. Она завела элегантным клубом здоровья в соседнем городке – салоном под названием «Серебряная дверь». День за днем Джейд Генри проводила в сфере красоты – кремы, лосьоны, физкультурные тренажеры, сауны, преображение внешнего вида.

Линн знала, что мать разочарована ею. Разве можно ее за это винить? У Джейд Генри было все: ум, очарование, красота, миллион друзей. Разве могла она не хотеть, чтобы дочь немножко больше на нее походила?

Линн унаследовала от матери-красавицы только одну черту: зеленые, с золотыми бликами глаза в форме миндаля. К сожалению, Линн была близорука, так что ее прекрасные глаза были практически не видны из-за толстых очков. «Поставь контактные линзы», – постоянно призывала мать, и в конце концов Линн сдалась.

Но она была слишком стеснительной, чтобы носить линзы. Она была уверена, что, если она наденет их в школу, все будут смеяться над ней. Будут думать, что она обманывает

себя, пытается выглядеть красивой или что-то в этом роде. Поэтому никто не замечал прекрасных глаз Линн.

Все друзья миссис Генри говорили одно и то же – что Линн в точности походила на отца.

«А это, – мрачно думала Линн, продолжая смотреть в окно, – было поцелуем смерти».

Макс Генри был многим хорош – умный, предприимчивый, честолюбивый, – но что касается внешнего вида, он был «так себе». Так сказала мать.

Линн практически не помнила отца. Он умер, когда ей было три года. Иногда, если она закрывала глаза и очень, очень сильно напрягалась, ей удавалось вспомнить, как она повисала на нем, обхватив за шею маленькими ручками, а он в это время пел для нее. Но она не могла по-настоящему вспомнить его лица. Хотя, конечно, она видела фотографии. Отрицать было бесполезно: она похожа на отца. Непослушные волосы, крупный подбородок, бледный цвет лица – все на месте!

Линн, однако, знала, что получила от отца и еще кое-что. Хотя мать много о нем не рассказывала, Линн как-то подслушала, как она говорила кому-то из друзей, что до свадьбы отец мечтал стать музыкантом. Вынужденный содержать семью и ребенка, он бросил музыку и устроился на работу в страховой компании.

«Но он продолжал играть на своем саксофоне, – услышала Линн слова матери. – Он любил музыку».

Может быть, поэтому Линн стеснялась перед матерью за свою любовь к музыке. Конечно, она всегда просилась ею заниматься. Но чем старше она становилась, тем труднее ей было играть для матери. Как будто, как только кто-то появлялся, чудо исчезало. Линн даже не сказала матери о том, что получила работу преподавателя игры на гитаре в Музыкальном центре по утрам в субботу. Это было ее секретом, им и останется!

Неожиданно Линн поняла, что автобус подходит к ее остановке. Она пожурела себя за то, что так отвлеклась, и неловко поднялась на ноги за минуту до того, как водитель открыл дверь.

– Извините, – сказала она Кэролайн, неуклюже протискиваясь мимо нее.

Автобусная остановка находилась в пяти минутах ходьбы от дома Линн, и, поправив рюкзак, она с чувством облегчения отправилась в путь. Испытание закончилось: она была почти дома. Она только начала напевать несколько аккордов песни, которую в это время сочиняла, как вдруг увидела нечто такое, от чего у нее перехватило дыхание. Это был он: Гай Чесни, который играл на клавишных в «Друидах». Линн покраснела до корней волос.

Две недели назад Линн смотрела выступление Гая и всей группы «Друиды» на школьном пикнике, посвященном столетнему юбилею Ласковой Долины. Что-то сделало ее необъяснимо счастливой в этот день. Возможно, это была прекрас-

ная солнечная погода или же радостное настроение, которое овладело людьми, празднующими столетнюю годовщину основания города. Как бы то ни было, Линн впервые стала ощущать свою принадлежность к чему-либо. Но затем «Друиды» запели песню о любви. В этот момент Линн оглянулась вокруг себя на улыбающиеся лица, и волна одиночества окутала ее. Как ни старалась Линн оттолкнуть от себя это отчаяние, она не могла его одолеть. Она чувствовала себя не частью празднеств, а сторонним наблюдателем, не принимающим в них участия. Слезы закапали у нее из глаз, и она отвернулась от сцены – прочь от этого пикника, прочь от этих счастливых людей, делавших ее такой одинокой.

– Привет, – сказал поравнявшийся с ней Гай, глядя на нее с немного лукавым выражением на лице.

Линн не могла поверить, каким симпатичным он оказался вблизи. Ее сердце бешено забилося. Линн знала, что Гай несколько месяцев назад переехал с ними по соседству, и порой она замечала из окна автобуса, как он шел в школу или обратно.

Судя по тому, как далеко он успел дойти сегодня, он ушел из школы раньше обычного.

– Тебя зовут Линн, не правда ли? – спросил он с улыбкой. – Я встречал тебя в школе, но, кажется, мы не знакомы.

– Ах да, меня зовут Линн Генри, – ответила она в полном замешательстве.

Он виновато улыбнулся:

– Последнее время я мало с кем общаюсь. Наша группа «Друиды» да родители – практически это все.

– Должно быть, это прекрасно – играть в такой группе, как «Друиды»! – воскликнула Линн.

На лице Гая появилось удивление.

– Не многие так думают. Во всяком случае, не многие из девушек. Большинство из тех, кого я знаю, считают, что музыка – это нормально, пока она остается фоном. Но играть в группе...

– Я думаю, что это потрясающе, – страстно сказала Линн. – А какую музыку ты слушаешь, когда не репетируешь?

Она не могла поверить, насколько легко с ним было говорить. Он был таким непринужденным, таким раскованным. Он перечислил свои любимые группы, – многие из которых она тоже любила, – и совсем незаметно они оказались перед ее домом.

– А что ты думаешь о женщинах-вокалистках? – робко спросила Линн, не желая обрывать беседу.

Гай задумчиво посмотрел на нее:

– Знаешь, мне нравится кое-что из «мягких» вещей. Все годы, пока я рос, моей любимицей была Линда Ронстадт.

– Я тоже считаю, что она великолепна, – с энтузиазмом поддержала Линн.

– Правда? – просиял Гай.

В следующее мгновение он начал перечислять все, что

ему нравилось в этой певице: глубина и диапазон ее голоса, слова ее песен.

Завороженная, Линн только слушала. Она подумала, что Гаю, похоже, действительно интересно говорить о музыке. Она практически не произнесла ни слова, однако, когда через несколько минут он сказал, что ему было интересно с ней разговаривать, он говорил вполне искренне.

Глядя ему вслед, Линн надеялась повстречать его снова – и скоро.

Напевая про себя, она открыла ключом дверь и вошла в дом. Аккуратная передняя была заставлена амариллисами – любимыми цветами матери. Линн даже не заметила их, бросив куртку на перила лестницы и прошагав на кухню, чтобы приготовить себе что-нибудь перекусить. Она любила это время. Матери не будет еще часа полтора, и весь дом принадлежал Линн. Он был таким мирным. Весь день она мечтала об этих моментах. Наконец-то она дома.

Но сегодня Линн, в отличие от обычного, не обрадовалась тишине и покою, которых так ждала. Взяв сэндвич и поднявшись к себе наверх, она задумалась над тем, что же сегодня произошло необычного. Их маленький дом выглядел так же, как всегда, с красивой гладкой мебелью, пушистыми восточными коврами, с подобранными со вкусом картинами и скульптурами, создающими приглушенный элегантный эффект.

Линн закрыла за собой дверь и откусила кусочек сэндви-

ча. Она окинула взглядом комнату. Все вещи были на тех же местах, где она оставила их утром. Кровать с балдахином аккуратно заправлена, шторы на открытом окне слегка покачиваются от ветра. Поставив тарелку на письменный стол, Линн присела на край кровати, взяла гитару и обняла ее. Затем попробовала взять аккорд.

Но песня, которую она сочиняла, не приходила. Линн посидела минуту в тишине, стараясь сосредоточиться.

Она уже знала, что произошло. В доме ничего не изменилось, это она сама ощущала себя по-новому. Она все время думала о Гае Чесни и о том, как уголки его глаз поднимались кверху, когда он улыбался. Линн попробовала взять другой аккорд, ожидая, что музыка вернет ее обратно в знакомый мир одиночества. Однако каждый аккорд, каждый такт, каждая нота напоминали о нем.

– Гай, – произнесла она вслух, и щеки ее покраснели в тот момент, когда она впервые назвала его имя.

3

– Линн! – позвала миссис Генри голосом, полным раздражения. – Я тебя уже десять минут зову. Ты представляешь, который сейчас час?

Линн села на кровати, протерла глаза и, моргая, посмотрела на будильник.

«Наверное, я выключила его и снова заснула», – пробормотала она, ощупью ища очки.

– Почти восемь часов! – добавила мать.

Она открыла дверь в спальню дочери и, нахмурившись, посмотрела на Линн.

– Не понимаю, как может здоровый подросток так долго спать.

Линн вздохнула:

– Мам, я легла только после полуночи. Я работала над... – Она прикусила губу.

Не хотелось рассказывать матери, чем она занималась. На самом деле прошедшей ночью она сочиняла и, начав, уже не могла остановиться. Но мать все равно бы не поняла. Сама она всегда все делала вовремя. Глядя на нее в этот момент, Линн вообще удивлялась, как они могли оказаться родственниками. Мать выглядела просто потрясающе в снежно белых джинсах и черной шелковой футболке. Линн не могла себе представить, чтобы сама она надела что-то белое. Она испач-

кала бы такую вещь в первую же минуту!

– Почему ты не одеваешься? – спросила мать, раздвигая шторы, чтобы впустить в комнату поток лучей утреннего солнца. – Я уже приготовила завтрак.

– Сейчас, – ответила Линн, выскакивая из кровати и натягивая на себя байковый халат, спасенный ею из коробки, приготовленной матерью для «Армии Спасения». – Сейчас спускаюсь.

Линн знала по опыту что, когда мать хмурилась, это означало, что идет борьба за верховенство в семье. «Она, наверное, хотела этим сказать, чтобы я уделила побольше внимания своей внешности», – подумала Линн, подняв с пола брошенные накануне закатанные джинсы и направляясь в расположенную рядом со спальней ванную.

Линн давно отказалась от надежд изменить внешность. Все, на что она была готова пойти, сводилось к короткому душу и попытке применить расческу к волосам. Она натянула джинсы, рассеянно отметив про себя, что они действительно немного мешковаты, и достала из стенного шкафа первый попавшийся джемпер. Он был темно-зеленым, с надписью впереди «Университет штата Огайо». Линн любила джемпера. Она знала, что под такой одеждой никто не разглядит ее фигуру, но это и было хорошо. Кому же, в самом деле, захочется смотреть на такое длинное, как веретено, тело, как у нее?

Линн взглянула в большое, в полный рост, зеркало, кото-

рое мать установила в шкафу.

«Что за жалкое зрелище, – произнесла она про себя, нагнув очки повыше на нос и покачав головой из стороны в сторону. – Действительно жалкое. Линн Генри, ты слишком уродлива, чтобы называться человеком!»

– Линн, – позвала мать. – Мне скоро уходить на работу и нужно с тобой поговорить!

«Так», – подумала Линн, беря в руки блокнот и перечитывая слова, к которым она в итоге пришла вчера вечером перед тем, как уснуть. Песня называлась «С думой о нем». Не спеша спускаясь по лестнице, она пропела пару пробных аккордов:

Я никогда не думала, что это я. Скажу, что день быть может больше просто дня...

– Линн! – недовольным голосом позвала мать.

– Иду! – отозвалась Линн, перескакивая через последние ступеньки. – Прошу прощения, – поспешила добавить она, саживаясь за стол. – Я собиралась быстро, как могла.

Миссис Генри посмотрела на дочь полными тревоги глазами.

– Дорогая, – начала она, заметно стараясь сказать все правильно, – я хотела бы, чтобы в эту субботу ты вместе со мной пошла ко мне на работу и там Рода занялась бы твоими волосами. Я знаю, что ты не любишь, когда над тобой возятся, но, милая, они у тебя действительно...

Линн почувствовала, как вытянулся ее подбородок, – так

бывало всякий раз, когда мать заводила подобные разговоры.

– А мне нравятся мои волосы, – резко произнесла она. – И я не желаю, чтобы Рода заворачивала меня в балахон, как она это делает со всеми.

Лицо матери слегка помрачнело.

– Линн, ты должна понимать, что своим внешним видом рассказываешь о себе окружающим. Ты сообщаем им, что тебе на себя наплевать. Если бы ты уделяла себе хотя бы немного времени...

Линн почувствовала, как глаза ее наполняются слезами.

– Мама, я знаю, что я не красавица, – резко сказала она, с отвращением отодвинув тарелку с кашей. – И тебе совсем не обязательно постоянно твердить об этом. Я не дура. Я отлично тебя понимаю!

Миссис Генри задумалась на минуту, затем мягко произнесла:

– Дело не только в твоих волосах или одежде. Дорогая, я волнуюсь за тебя. И оценки твои могли бы быть получше. Если бы я тебя не разбудила, ты бы проспала и пропустила занятия...

– У меня все равно первым уроком самоподготовка, – прервала ее Линн. Однако она почувствовала угрызение совести. Мать была права. Оценки действительно были неважными. В основном «тройки» и «четверки», хотя она знала, что при желании могла бы успевать гораздо лучше. Но Линн не желала выделяться. Зачем стараться, если гораздо легче

быть середнячком?

– Мне не нравится, что ты не спишь ночами, сочиняя эти свои песни, – продолжала мать, не глядя на Линн. – Это мешает твоему сну, из-за них ты опаздываешь в школу...

Глаза Линн вспыхнули.

– Эти мои песни, – сердито сказала она, – ничему не мешают.

Миссис Генри прикусила губу. Ее красивое лицо было полно любви и тревоги.

– Линн, – мягко сказала она, – не отгораживайся от меня. Не сердись на меня. Ты возводишь стену между нами, и я не могу до тебя дотянуться!

Линн опять почувствовала, как вытягивается подбородок. Она ничего не могла с этим поделать – мать иногда так выводила ее из себя!

– Боюсь, я не смогу отвезти тебя в школу, – добавила мать, с озабоченностью взглянув на часы. – Я уже на пять минут опоздала. Что же ты будешь делать? Автобус уже ушел.

– Пойду пешком, – ответила Линн, запихивая блокнот в рюкзак.

«Я ведь и собиралась ходить пешком», – напомнила она себе.

Оказавшись на улице, Линн вдохнула полной грудью и начала успокаиваться. Было прекрасное утро. Напевая негромко строки новой песни, она зашагала по улице, и рюкзак ее болтался на спине при ходьбе.

Сначала Линн подумала, что у нее видение. Но потом поняла, что это и вправду был он. Опять! Сердце ее заколотилось.

– Линн! – позвал Гай, переходя на ее сторону улицы. – Я не знал, что ты ходишь в школу пешком!

– Я проспала, – призналась она, застенчиво улыбаясь.

Вся ее злость и раздраженность испарились, и теперь ей хотелось делать только приятное.

– А ты? Ты что, никогда не едешь на автобусе?

– Я люблю ходить пешком, – ответил он улыбаясь. – Свежий воздух взбадривает – а мне это нужно, потому что «Друиды» два-три раза в неделю допоздна репетируют. Мне по утрам нужно много времени, чтобы собраться. Я человек ночи, – доверительно сказал он, глядя ей прямо в глаза. – Ты понимаешь, что это означает? Мне кажется, что у меня все лучше получается поздно ночью, когда все спят.

– Я прекрасно тебя понимаю, – промурлыкала Линн, подумав о своей песне.

– Большинство людей считают меня сумасшедшим, – сказал он, и, похоже, ему действительно было важно услышать ее реакцию. – Мать, к примеру, все бы отдала, чтобы я бросил музыку. Она хочет, чтобы я стал врачом, как мой старший брат.

– Не слушай ее! – тепло сказала Линн.

Тут она покраснела, испугавшись, что слова ее прозвучали слишком страстно, однако Гаю они явно понравились.

– Правда, не надо? А как мне узнать, что я хороший музыкант? – с тревогой произнес он. – Вот что не дает мне покоя. Если я от столь многого откажусь, а в итоге из меня ничего не выйдет...

В эту минуту Линн вспомнила о том, что пережил ее отец. Если бы она знала Гая получше и могла рассказать ему об этом! Ей хотелось сказать ему, что мечтой нельзя жертвовать ни ради чего. Но вместо этого она лишь уверенно произнесла:

– Гай, ты не должен бросать музыку. К тому же ты хороший музыкант. Действительно, хороший.

Лицо его просветлело.

– Ты, правда, так считаешь?

– Честно, – ответила она.

Линн говорила от чистого сердца. Линн казалось, что следующие шесть или семь кварталов она парила в воздухе. Не верилось, что ей так легко с Гаем. Он был таким откровенным, с такой готовностью говорил о себе и своих чувствах. Казалось, что они знакомы уже несколько месяцев или даже лет! Самым лучшим было то, что он не пытался узнать о ней и не задавал вопросов. Зачастую из-за этого у Линн появлялись проблемы с друзьями. Она терпеть не могла оказываться в центре внимания. Но Гай ни о чем ее не спрашивал, хотя внимательно выслушивал все, что она говорила. Более того, она ему, похоже, нравилась.

– Ты прекрасный слушатель, – с чувством сказал он. –

Знаешь, я никогда не встречал девушек, с которыми я мог бы вот так разговаривать.

– Я люблю слушать про музыку, – ответила она, потупив взор. – Я тоже никогда не встречала никого, у кого могла бы спросить о том, что это значит – играть в настоящей рок-группе! – Глаза ее блеснули за стеклами очков. – Я тебе так завидую, – застенчиво добавила она.

По виду Гая казалось, что он собирается что-то ответить, однако неожиданный автомобильный гудок заставил их посмотреть в другую сторону. Они увидели Джессику Уэйкфилд, которая неистово махала им рукой из-за руля маленького красного «фиата», который был у них на двоих с сестрой. Элизабет с утра отправилась к врачу, поэтому Джессика была одна.

– Гай! – звонко окликнула она, отбросив назад светлые волосы, так что они замерцали в лучах солнца. – Сегодня у меня день удачи! Я уже несколько дней тебя разыскиваю!

– Правда? – удивился Гай.

Линн казалось, что ноги ее приклеились к тротуару. Джессика выглядела невыразимо великолепной в своем сверкающем автомобиле. Она походила на киноактрису – загорелая кожа, идеальные волосы, блестящие зеленовато-голубые глаза. Линн была готова все отдать, чтобы в этот момент быть Джессикой Уэйкфилд. «И дело не только в ее красоте, – подумала Линн. – Джессика настолько уверена в себе».

Для Джессики было абсолютно естественным заявить о

том, что она ищет такого человека, как Гай. Что касается Линн, то она скорее умрет, чем признается, что искала какого-то парня! Но в устах Джессики это звучало как нечто совершенно естественное.

– А что, Дана тебе ничего не сказала? – требовательно спросила Джессика – глаза ее широко раскрылись от недоверия. – Команда болельщиц организует большой танцевальный вечер в спортзале в следующую субботу, и мы безумно хотим, чтобы там играли «Друиды». Гай, давай я тебя подвезу до школы, – взмолилась она, – нам обязательно надо поговорить!

Гай вопросительно посмотрел на Линн:

– Но...

– Поезжай, – негромким голосом проговорила Линн, ощущая биение сердца.

Она не ждала, что Джессика пригласит и ее. Зачем таскать за собой лишний багаж?

Джессика, похоже, даже не замечала Линн.

– Поехали, – пропела она. – Гай, ты обязан мне помочь. Я просто в отчаянии!

– Ты не обидишься, Линн? – неловко спросил Гай, переминаясь с ноги на ногу. – Может, мы сможем поговорить потом, после школы или когда-то еще?

– Нет, не обижусь, – ответила Линн, болезненно чувствуя, как у нее неожиданно словно ком застрял в горле. – Пока, Гай. Увидимся.

Лицо Гая вспыхнуло ослепительной улыбкой.

– Знаешь, ты настоящий товарищ, – сказал он.

В следующую секунду он перебежал через дорогу, распахнул правую дверцу автомобиля Джессики и уселся на сиденье рядом с ней. Джессика откинула назад волосы, что-то сказала – Линн не расслышала – и рассмеялась. От этого серебристо-жемчужного смеха сердце Линн ушло в пятки.

«Она смеется надо мной», – подумала Линн, словно одеревенев, наблюдая, как красный автомобиль стартует.

Линн глубоко вздохнула, пытаясь сдержать слезы. Как глупо с ее стороны было подумать, что с Гаем будет по-другому, не как с другими. Конечно, они одинаково любили музыку. Это вовсе не означало, что он ненормальный открытый парень, которого легко очарует красивая девушка. Что, сказал он, ему нравилось в Линде Ронстадт? Вспомнить она не могла, но была уверена, что красота лица Ронстадт поражала его не меньше, чем красота ее голоса. Слава богу, что она не рассказала ему, что играет на гитаре и сочиняет музыку. Он, наверное, посмеялся бы над ней.

Последние несколько кварталов до школы Линн прошла, словно в оцепенении. Когда она добралась до входа в школу, как раз должен был начаться час самостоятельных занятий. Коридоры были полны школьников, и она огляделась вокруг со странным, пустым выражением лица, словно испуганный ребенок, смотрящий на воду с вышки для прыжков.

Впереди еще один долгий день. Она тупо пошла по пол-

ному людей коридору, почти не обращая внимания на возбужденные разговоры вокруг. Народ говорил про занятия, про предстоящую эстафету «Качаемся без перерыва», которую организовывала команда болельщиц, про игру в софтбол, которую девятый класс проводит на озере Секка в пятницу днем.

Но никто не заговаривал с Линн.

«А почему они должны это делать? – спросила себя она. – Это обычный день, такой же, как и другие. Так почему же я ожидаю, что мне будет уделено хоть какое-то внимание? Я одинока, и, похоже, именно так все и останется».

– Элизабет, – простонала Джессика, наклоняясь, чтобы подтянуть новые шелковые носочки. – Мы никогда не догоним Кена, Уинстона и остальных ребят, если ты будешь продолжать это читать и перечитывать! Ты что, хочешь идти на озеро Секка пешком?

Элизабет рассмеялась, взглянув на отпечатанные ею сегодня на машинке финальные строки для колонки «Глаза и уши». Колонка завершалась словами: «Друиды» по-прежнему говорят о песенном конкурсе. Сможем ли мы прямо сейчас обнаружить среди себя нового сочинителя песен?»

– Я готова, – сказала она сестре, захлопывая тетрадь.

Был пятничный день, и двойняшки должны были встретиться на автостоянке у школы большую группу одноклассников – Кена, Уинстона, Диди Гордон, Инид, Роджера Пэтмена, Оливию Дэвидсон, – чтобы рассестись по машинам и отправиться на озеро Секка. В этот день проходила игра в софтбол, которую ежегодно организовывали мистер Коллинз и мистер Яворскн. Играли не все, но все получали удовольствие, проводя послеобеденное время на солнце посреди прекрасных полей, окружающих сверкающее озеро. Элизабет, как и Джессика, с нетерпением ждала это.

– Эй! – через несколько минут окликнула двойняшек Инид, подбегая к ним на стоянке. – Мы все волновались, где

вы застряли. Мы не хотели уезжать без нашей любимой первой разыгрывающей!

Элизабет взяла Инид под руку.

– Боюсь, моя спортивная рука немного заржавела, – печально сказала она. – Она изнасилась от ожесточенного переписывания заново колонки «Глаза и уши»!

– Она бы никогда не закончила, – проворчала Джессика. – И что еще хуже, она написала лишь одно-единственное предложение про самую главную новость!

– Так вот что тебя мучает, – рассмеялась Элизабет. – Насколько я понимаю, эта новость – эстафета «Качаемся без перерыва»?

– А что же еще? – обиженно заявила Джессика. – Главное событие года, – пожаловалась она Инид, – а наш суперрепортер практически игнорирует его.

– Я целиком за эстафету, Джес, – сухо сказала Элизабет, – но, откровенно говоря, восемь девочек и одно кресло-качалка не тянут, по-моему, на главное событие года. Кроме того, – хихикнула она, – вы, по-моему, и без меня достаточно все разрекламировали. В одном только главном фойе, кажется, вывесили тридцать плакатов!

Джессика надула губы.

– Восемь девочек и одно кресло-качалка, – угрюмо повторила она. – Так ты это называешь? – Ее глаза-капли потемнели, когда она повторяла слова сестры. – Для твоего сведения, администрация разрешила нам устроить танцы в спорт-

зале с восьми до одиннадцати в субботу, а «Друиды» согласились играть. И мы договорились, что учителя будут по очереди следить за порядком. Это может стать главным событием всего семестра!

Инид и Элизабет обменялись взглядами.

– Джес, я считаю, что эстафета – это прекрасная идея, – примирительно сказала Элизабет. – Правда. Ты же знаешь, что я поддержала ее с самого начала! А теперь, когда ты уговорила выступить «Друидов», успех гарантирован! Я просто не была уверена, что это те новости, которые нужно выделять в моей колонке, вот и все.

Джессика, похоже, несколько смягчилась.

– Это действительно будет здорово, – сказала она, предвкушая успех. – Все мы будем качаться по часу. Нас восемь человек, это значит, что каждая будет качаться по три раза. Единственное, когда будет не здорово, – посреди ночи, но во всяком случае мы сможем поддерживать друг друга.

Инид рассмеялась и пошутила:

– Это действительно понадобится в три часа утра.

К этому времени они уже подошли к группе, собравшейся на краю автостоянки.

– Какой замечательный день для игры в софтбол! – говорил в это время Кен Мэтьюз, довольно глядя на безоблачное небо.

– Поехали! – воскликнула Джессика. – Хочу добраться до озера Секка, чтобы начать собирать взносы на следующую

субботу. – Она многозначительно посмотрела на стоящих рядом. – Я уверена, что вы все обязуетесь внести по доллару за час, не правда ли?

– Ты что, с кресла упала? – пошутил Уинстон, не обращая внимания на раздавшиеся вокруг стенания.

– Разве ты не знаешь, что каламбур – самая примитивная форма юмора? – сверкая взглядом, уколола Уинстона Инид.

– Дайте ему время, – парировала Джессика, – и я гарантирую, что он придумает что-нибудь еще более примитивное!

Элизабет почти не обращала внимания на это добродушное подшучивание друзей, которые спорили о том, в каких машинах ехать. Ее глаза разглядывали происходящее в нескольких метрах от нее, рядом с серебристым микроавтобусом, принадлежавшим Максу Делону, ведущему гитаристу «Друидов». Гай Чесни оживленно разговаривал с Линн Генри, выразительно жестикулируя при этом. Линн, похоже, внимательно слушала.

«Какая же разница», – думала Элизабет.

В первый момент она едва признала Линн – насколько другой делала ее улыбка!

Элизабет поняла, что Линн явно было весело. И она опять удивилась тому, что же за человек скрывался за обычно угрюмым выражением лица этой девушки.

С улыбкой на лице и искрой в глазах Линн Генри на самом деле была почти красивой!

– Ты правда не хочешь играть? – неуверенно спросила

Линн, стоя в тени огромного дуба рядом с бейсбольным полем и нервно крутя в руках кусочек листа, который она подняла с травы.

Гай покачал головой.

– Я не такой уж спортсмен, – признался он. – Может, лучше посидим немного и посмотрим?

– Хорошо, – ответила Линн, чувствуя себя несколько ошеломленной.

Она до сих пор не верила, что в самом деле приехала на озеро Секка с Гаем. Когда он спросил ее, хочет ли она ехать с ним, она ушам своим не поверила. У Гая не было машины – он несколько месяцев назад продал свой универсал, – но он сказал, что у Макса в микроавтобусе полно места и тот возражать не будет. И Макс действительно не возражал: микроавтобус был так набит, что один человек погоды не делал.

Замечательным было то, что по дороге в парк Линн несколько не волновалась. Атмосфера в микроавтобусе была такой легкой и непринужденной, что она совершенно свободно себя чувствовала. Поздоровавшись, никто больше не заговаривал с ней, но ее это устраивало. Ей хотелось просто наблюдать за «Друидами», слышать каждое произносимое ими слово. «Друиды» всегда были ее главными героями. Линн знала все их песни и иногда, играя на гитаре, представляла себя Даной Ларсон – стройной модной блондинкой, которая была солисткой группы.

Теперь, однако, члены группы разбрелись, и она осталась

наедине с Гаем. К ней вернулась ее обычная неуклюжесть, и она опять почувствовала себя скованной и несчастной.

Но Гай, похоже, не замечал ее стеснения. Плюхнувшись на мягкую траву, он с удовлетворением наблюдал за происходящим на поляне.

– «Какой чудесный день!» – как бы подумал он вслух.

– Обычно я терпеть не могу подобные затеи, – сказала Линн больше себе, чем Гаю.

Лицо ее залилось краской.

«Идиотка, – резко обругала она себя. – Зачем говорить подобные вещи такому человеку, как Гай!»

Его карие глаза широко раскрылись.

– А почему? – спросил он.

Однако произнес это не так, как ее мать. Голос его прозвучал встревожено – похоже, он действительно хотел знать, почему она так думает.

– Не знаю, – передернула плечами Линн. – Я всегда предпочитала одиночество. Отец умер, когда я была совсем маленькой, и я так долго общалась сама с собой, что, наверное, стала чересчур полагаться на себя. Я вообще-то не очень общительна, – закончила Линн.

Гай поднял с земли травинку и задумчиво посмотрел на нее.

– Интересно, – произнес он. – Звучит знакомо. Иногда я тоже чувствую себя неудобно в толпе. Я говорю себе, что это отчасти из-за музыки – нужно иметь время побыть одному,

чтобы работать. Может быть, у тебя то же самое. Может, у тебя тоже творческая натура.

Линн в смущении отвернулась. Как будто Гай смог заглянуть к ней внутрь, проникнуть в ее самые сокровенные мысли.

– Да нет, – ответила она просто, – не думаю. Наверное, я просто стеснительная.

Вдруг ей захотелось о стольком ему рассказать. Хотелось рассказать Гаю про ее гитару, про занятия, которые она ведет теперь в Музыкальном центре. Но она не решалась. Ей было страшно, что он посмеется над ней и посчитает ее глупой курицей, которая надеется на успех в полном борьбе и конкуренции мире музыкальной индустрии.

Поэтому она просто сидела и слушала Гая. Ее потрясло, насколько легко, казалось, было для него делиться своими мыслями. Он с такой естественностью говорил о своем детстве, о своей любви к музыке, о своих планах.

– После школы попробую поступить в консерваторию, – рассказывал он. – Я не смогу учиться в обычном колледже. Может, поступлю в Джуль-ярд, – добавил он. – Или же буду играть в другом ансамбле, чтобы попытаться как-то пробиться наверх.

Линн на секунду закрыла глаза. Она представила Гая за клавишными, выступающим в составе супергруппы. Она прекрасно представила себе его, играющим от всего сердца, а рядом в сверкающем белом платье – солистку, которая

привела группу к успеху, – Линн Генри. С новой прической, блестящей кожей, голосом таким сильным и красивым, что люди теряют сознание. После концерта все будут биться за ее автограф, но Гай подхватит ее на руки и пронесет через толпу к ожидающему лимузину.

«Ты была, как всегда, изумительна», – скажет он.

А дальше последует главное чудо: он близко-близко наклонится к ней, притронется губами к ее губам, она крепко обнимет его за шею и они соединятся в страстном поцелуе...

– Гай! – позвала Дана Ларсон, прервав грезы Линн. – Пойдем. Мы тебя повсюду ищем – хотим до начала игры объявить о конкурсе на лучшую новую песню.

Гай вскочил на ноги.

– Прости, – сказал он Линн. – Вернусь через несколько минут.

Линн что-то невнятно промямлила, хотя очень хотела, хоть на этот раз, произнести что-нибудь соответствующее моменту. Вечно она ощущала себя полной идиоткой, пытаюсь сделать что-то такое, над чем другие даже не задумывались!

«Песенный конкурс?» – подумала она, неловко поднимаясь на ноги и следуя за Гаем и Даной через залитую солнцем поляну.

Весь класс собрался на бейсбольном поле, а мистер Коллинз дул в свисток и махал руками, пытаясь навести тишину.

– Добро пожаловать на наш ежегодный матч девярых клас-

сов по софтбоулу, – объявил он, улыбаясь в ответ на приветственный взрыв аплодисментов.

Он подождал минуту, пока все утихнут.

– Сегодня наша рок-группа «Друиды» сделает необычное объявление, и я обещал предоставить им сцену – или, лучше сказать, бейсбольное поле – до того, как мы разобьемся на команды и начнем саму игру.

Толпа затихла.

Дана Ларсон встала на место мистера Коллинза в центре поля, и весь ансамбль сгруппировался вокруг нее.

– Мы хотим сообщить всем вам об официальном начале нашего конкурса на лучшую песню «Найди звезду», – произнесла Дана. – Мы вывесим объявления по всей школе и напечатаем заметку в «Оракуле», однако мы хотели сначала сообщить об этом сегодня вам. В конкурсе может участвовать любой ученик школы. Песни обязательно должны быть авторскими, и их надо сдать в записи на кассету в редакцию «Оракула».

– Когда последний срок? – спросила Диди Гордон откуда-то сзади.

– Заявки принимаются с этого момента и до полудня следующей пятницы, – ответила Дана и подняла руки, чтобы успокоить нескольких недовольных. – Да, я понимаю, что остается всего неделя. Но авторы песен всегда работают в сложных условиях! Нам нужно действительно что-то особенное, – добавила она. – Что-то новое и свежее, в чем чув-

ствовалась бы душа, а не просто обычный рок без смысла. – Она сделала паузу и оглядела внимательно слушающих одноклассников. – Песня-победитель, – торжественно закончила она, – будет исполнена на следующем большом вечере.

Эта новость была встречена взрывом аплодисментов. Линн отвернулась, сердце ее забилося. Она не верила в происходящее – словно осуществлялась ее мечта! Не обращая внимания на разговоры учащихся, которые, толкаясь, записывались в команды, Линн пробралась назад к тому месту, где они с Гаем сидели до этого. Песенный конкурс – шанс узнать раз и навсегда, есть ли у нее настоящий талант! А она будет очень стараться для этого конкурса. Особенно теперь, когда Гай поможет оценить ее записи.

А приз! Линн попыталась представить себе, как «Друиды» исполняют ее песню. Действительно, это словно ожившая мечта!

«Ты что, с ума сошла? – внезапно подумала она, разозлившись на себя за такие глупые мысли. – Я не могу участвовать в конкурсе. Я скорее умру, чем разрешу кому-то прослушать кассету со своей записью».

Она ведь вне круга, вот и все. Просто глядит извне на происходящее.

«Глядя извне... Это похоже на название песни!» – подумала она. Нахмутив в напряжении бровь, Линн попробовала мысленно положить эти слова на музыку. Она почувствовала, как по ней словно пробежал электрический ток, – это

означало, что может выйти что-то действительно хорошее.

«Плевать, – неожиданно подумала она, глаза ее наполнились решимостью. – Я буду участвовать в конкурсе. Я напишу самую лучшую песню, на которую способна, и не буду беспокоиться о том, что кто-то услышит мой голос на кассете. Потому что кассета будет неподписанной».

Люди ведь пишут анонимные стихи, анонимные письма в редакции газет и анонимные надписи на стенах – так почему бы ей не написать анонимную песню?

– Анонимную, – произнесла она вслух, полугорько-полусерьезно.

Эта маска позволит Линн Генри показать всем, что она представляет собой на самом деле. Песня эта будет особенной. Она будет написана для всех, кто чувствует себя «никем», для всех, кто знает, каково быть анонимом среди людей, имеющих имена, – для всех, кто хоть раз познал, каково это – быть вне круга и глядеть извне.

5

– Линн, – миссис Генри просунула голову в дверь в комнату Линн, – мы могли бы поговорить?

Линн сидела на кровати с гитарой в руках.

– А можно попозже, мам? Я тут как раз...

– Наверяд ли, – прервала ее мать, открыв дверь пошире. – Дорогая, я думала, что ты отныне после ужина будешь делать уроки! Разве мы не договорились, что это наилучший способ подтянуть твои отметки?

Линн прикусила губу.

«Мы ни о чем не договаривались», – подумала она.

Мама, как обычно, сама за всех решила.

– Я пишу песню, – тихо произнесла Линн. – И мне сегодня не задали уроков, мама. У нас была игра в софтбол на озере Секка, поэтому занятия отменили.

Лицо миссис Генри смягчилось.

– Озеро Секка, – мечтательно произнесла она. – Это такое прекрасное место. Ты... – Она запнулась, как будто подбирала правильные слова. – Ты хорошо провела там время? – в итоге спросила она.

– Нормально, – неопределенно ответила Линн, полная желания, чтобы мать спустилась к себе вниз и оставила ее в покое.

Однако миссис Генри, похоже, никуда уходить не собира-

лась.

– Линн, я знаю, что ты не любишь, когда я вмешиваюсь в твои дела, – начала она.

Лицо Линн тут же напряглось.

– Не очень, – пробормотала она.

– Но мне вот интересно: тебе не стало полегче в школе? – Миссис Генри выглядела одновременно смущенной и расстроенной.

Линн надвинула очки повыше на нос, как это делала всегда, когда нервничала или расстраивалась.

– В школе все нормально, – ответила она, осознавая, что это прозвучало с таким же энтузиазмом, как если бы ее спросили, не хочет ли она поставить несколько зубных пломб.

– Ах, Линн, – внезапно сказала мать, и ее прекрасные глаза наполнились слезами. – Мне так плохо, когда ты отказываешься со мной говорить! Думаешь, я не знаю, что такое одиночество?

Линн посмотрела на мать.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – мрачно сказала она.

У нее даже заболело в горле. Она не понимала, отчего ведет себя с матерью как какое-то отродье. Линн любила ее всем сердцем. Все, что у нее было, – это мать, и она не смогла бы жить, если бы с матерью что-то случилось. Однако она не могла себя заставить сделать хоть что-то, о чем та просила.

– Прости, – сказала она тупо, все еще прижимая к себе гитару. Мама, я не знаю, что со мной происходит. Наверное,

я просто ничтожество, с какой стороны ни посмотри!

Миссис Генри подошла и обняла Линн, которая вся напрыглась от ненависти к себе.

– Послушай, дорогая, – сказала мать, по щекам которой текли слезы. – Ты не ничтожество! Думаю, ты просто несчастна. И я хочу как-то тебе помочь. Только не отгораживайся от меня.

– Я не несчастная, – решительно произнесла Линн.

«Я жалкая», – подумала она.

Но почему-то она не смогла признаться матери в этом. Это означало бы признать свое полное поражение.

– Ну, – наконец сказала мать, ее лицо было все в слезах и смятении, – раз уж ты работаешь над песней, мне остается лишь оставить тебя в покое, да?

Линн чувствовала, что сейчас заплачет. Она не хотела, чтобы мать уходила. Ей хотелось обнять ее и выплакаться ей в плечо. Ей хотелось рассказать ей о Гае и о том, в каком смятении она пребывает с тех пор, как встретила его. Но она не могла этого сделать.

– Да, наверное, – тупо произнесла она и с каменным лицом наблюдала, как мать вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь.

В тот момент, когда дверь закрылась, Линн взяла на гитаре пробный аккорд ре-минор. Меланхоличный звук прекрасно подходил к ее настроению. Закрыв глаза, она попыталась возродить в себе тот волшебный трепет, который почув-

ствовала сегодня днем, в тот момент, когда ей на ум пришла фраза «Глядя извне». Она попыталась расчистить сознание и совершенно не двигаться. Взяв другой аккорд, Линн полупрошептала, полупропела слова:

– День за днем я ощущаю в себе пустоту.

Она нахмурилась, покачала головой и потянулась за ручкой и тетрадью.

«День за днем я чувствую себя одинокой», – записала она.

На ее лице появилась улыбка. Это уже лучше.

«День за днем я думаю только о нем».

Глаза ее наполнились слезами. Никогда прежде, когда Линн сочиняла песни, она этого не чувствовала. Это была песня о ее жизни – ее одиночестве, ее боли, ее неуклюжести. Песня как будто родилась ниоткуда. Она даже не замечала, как летят минуты, и не поверила глазам, когда, наскоро записав слова песни в тетрадь, посмотрела на часы. Было уже десять часов. Она работала почти два часа.

Но ей не терпелось записать свою песню. Казалось, это надо сделать именно сейчас, пока сердце не остыло и она не позабыла все. Дрожащими пальцами Линн включила магнитофон, поставила чистую кассету и аккуратно, чтобы не качался, установила микрофон на кровати. Наконец все было готово. Она включила магнитофон и запела. Она чувствовала в себе невероятную уверенность. Голос был сильным и глубоким, без малейшей дрожи, а по щекам текли слезы от переполнявших ее чувств. Без всякого сомнения – она вло-

жила в песню все, что у нее было. Если «Друидам» песня не понравится, то не потому, что она мало старалась.

– Готово! – наконец сказала она, прикрепила к кассете наклейку с надписью «Глядя извне» (автор неизвестен) и вложила ее в конверт. – Готово, – повторила она, однако в голосе уже не слышалось триумфа.

Она знала, что вложила в песню все. Ей хотелось только, чтобы Гай каким-то образом узнал, что песня написана для него.

«Нет, так будет лучше, – попыталась убедить себя Линн. – Аноним не получает славы и признания. Но он не испытывает и боли».

А она не хотела испытывать боли ради чего бы то ни было. Даже ради Гая.

В понедельник после обеда Элизабет и Инид сидели в гостиной в доме Уэйкфилдов и слушали пластинки, принесенные Инид. Они вяло говорили о том о сем.

– Билли Холидэй великолепен, – восторженно произнесла Инид. – Я думаю, что это моя любимая пластинка.

Элизабет согласно кивнула. Она не меньше Инид восторгалась этим исполнителем блюзов. И тут же решила на неделе пойти в музыкальный магазин и купить себе собственную пластинку Билли Холидэя.

– Кстати, о музыке. Что ты думаешь о песенном конкурсе, который проводят «Друиды»? – спросила Элизабет.

В зеленых глазах Инид вспыхнула искорка.

– Мне кажется, это так здорово! – сказала она и вздохнула. – Настоящий поиск будущих звезд прямо в школе Ласковой Долины! Как ты думаешь, много будет участников?

– Надеюсь, с учетом того, насколько они это разрекламировали, – ответила Элизабет. – Хотя не знаю, – подумала она вслух. – Не представляю, сколько сочинителей песен скрывается среди нас. Может, их не так уж много.

– Ну, надеюсь, что они найдут нужную песню, – энергично сказала Инид. – «Друиды» так здорово играют. Если они найдут очень хорошую песню, то бьюсь об заклад, что к ним быстро придет успех.

– К кому это быстро придет успех? – поинтересовалась Джессика, появившись в дверях с обычным своим заинтересованным и любопытным выражением на лице.

Элизабет издала жалобный стон:

– У этих стен есть уши.

– Мы говорили о «Друидах», – сказала Джессике Инид. – Мы обсуждали, что им действительно пригодилась бы понастоящему хорошая песня.

– Надеюсь, к субботе они ее найдут, – ответила Джессика. – Нам надо, чтобы звучала прекрасная музыка. Иначе несколько часов в кресле-качалке станут немножко скучными.

Инид хихикнула:

– Ты натрешь себе задницу!

– Это будет не напрасно, – стоически ответила Джесси-

ка. – Ты бы посмотрела, какие костюмы мы вчера выбрали. Они такие симпатичные – короткие белые юбки и прелестнейшие топики с короткими рукавами. Еще немного взносов, и у нас будет самая красивая форма во всей Калифорнии!

– А много обещаний-взносов ты собрала сегодня во время обеда? – спросила Инид. – Я видела – ты носилась по столовой как сумасшедшая.

– Немало, – скромно сказала Джессика. – Вот отгадайте, сколько денег я получу за каждый час качания в кресле?

– Ну, мы сдаемся, Джес, – ответила Элизабет. – Так сколько?

– Двадцать пять долларов, – гордо произнесла Джессика. – Это значит семьдесят пять долларов, если я буду качаться три часа. Неплохо для одного вечера по сбору средств, не правда ли?

– Превосходно, – сказала Инид.

– Ну, я должна идти, – объявила Джессика. – Команда болельщиц собирается дома у Элен Брэдли. У нее есть кресло-качалка, и нам нужно тренироваться.

Элизабет и Инид с трудом удержались, чтобы не рассмеяться.

– Надеюсь, тренировка пройдет успешно, – наконец, не выдержала Элизабет.

– Смейтесь-смейтесь, – сказала Джессика, надув губы. – В субботу вы пожалеете, что смеялись надо мной. Вам захо-

чется тоже быть участниками эстафеты.

– Может быть, ты сможешь начать новую моду, – Элизабет вытерла с лица слезы от смеха. – Вместо того чтобы собирать камни, как сейчас, люди будут собирать кресла-качалки!

– Прощайте! – крикнула Джессика, вылетая из комнаты.

Взгляды Инид и Элизабет встретились. Этого было достаточно. В следующую секунду они так расхохотались, что, казалось, никогда не смогут остановиться.

– Что произошло? – спросила Джессика у Элен Брэдли, недоуменно глядя на окаменевшие лица сидевших в гостиной.

– Просто Элен нас всех тут расстроила, вот и все, – ответила Энни Уитмен, потянувшись за шоколадным печеньем, лежавшим на подносе на журнальном столике. – Сообщи ей ужасные новости, Элен.

Элен жалко моргнула.

– Это мне нужно горевать, а не вам, – сказала она, избегая вопрошающего взгляда Джессики. – Отец только что сообщил нам, что они с матерью купили дом, о каком мечтали всю жизнь, – сказала она после длинной и угрюмой паузы. – Но он находится в Лос-Анджелесе! Я до сих пор не могу в это поверить, – простонала она, оглядывая присутствующих с побитым видом. – Не могу поверить, что мы уедем из Ласковой Долины!

– А когда вы переезжаете? – спросила Джессика.

– Практически в любой момент, – вздохнула Элен. – Отец

сказал, что сразу же объявит о продаже этого дома. Так что это может случиться на следующей неделе или через одну...

Лицо Джессики побелело.

– А как же команда? – заплакала она. – Элен, мы рассчитываем на тебя. Ты не можешь уйти из команды после всего того, что мы вместе пережили!

– Джессика, – остановила ее Кара, – а что же она должна, по-твоему, делать? Ездить сюда из Лос-Анджелеса? Будь благоразумной!

Джессика скорчила физиономию. Да уж, будь благоразумной. Они с Робин Уилсон вместе были капитанами команды, но в итоге к последнему просмотру кандидаток на нее свалилась основная тяжесть работы. Правда, она сама на этом настояла. Но она не вынесет, если все это придется проходить заново. Ведь у них наконец-то получился слаженный коллектив!

Элен на минуту покинула комнату, и Кара тихо сказала, повернувшись к Джессике:

– Если ты будешь продолжать возмущаться по поводу того, что Элен уходит из команды, ей от этого легче не станет.

– Да, тебе легко это говорить, – возразила Джессика.

Про себя она думала, что именно она, Джессика, больше всех страдала, когда они принимали Энни Уитмен, но не упомянула об этом вслух, поскольку Энни находилась в комнате. Бедняжка хотела покончить жизнь самоубийством, когда ее не взяли в команду. Все чуть не свихнулись от страха и

тревоги. В итоге они расширили состав команды и приняли ее. Меньше всего Джессике хотелось испытать еще раз нечто подобное.

– Не грусти, – прошептала ей Кара. – Бедняжка и так переживает, что уезжает от нас.

– Ладно-ладно, – быстро согласилась Джессика.

Но настроение ее изрядно испортилось. Остаток вечера тянулся очень медленно, а Джессике не терпелось вернуться домой, чтобы сообщить сестре печальные новости про Элен.

Они с Карой ушли последними. После того как обе попрощались с Элен, Кара взяла Джессику за руку, при этом глаза ее сверкали от восторга.

– Я не могла сказать тебе раньше, – доверительно сообщила она с блеском в глазах, – потому что это было бы слишком жестоко после объявления Элен. Тебе Лила говорила когда-нибудь о своем великолепном симпатичном двоюродном брате Кристофере?

Джессика тут же остановилась.

– Этот настоящий красавчик, который живет где-то в штатах Новой Англии?

– Он самый. – Кара была просто переполнена восторгом. – Ему семнадцать лет, и он живет в Кенненбанкпорте, в штате Мэн. Потрясающая новость состоит в том, что он приезжает на Западное, побережье в гости к Лиле!

– А когда? – спросила Джессика, широко раскрыв глаза.

Это действительно была хорошая новость!

– Через несколько недель. Именно поэтому я ничего не рассказывала в присутствии Элен, – ответила Кара. – Я подумала, что это будет словно соль на рану, поскольку она, возможно, уедет до того, как он здесь появится. Да, Джес, и Лила говорит, что организует в честь его приезда самую большую и превосходную вечеринку, какая только может быть!

Джессика рассмеялась. Праздники у Лилы были знамениты в Ласковой Долине, и трудно было представить, как Лила может побить свой собственный предыдущий рекорд. Но она подозревала, что Лила найдет для этого способ.

Новость о Кристофере каким-то образом помогла Джессике забыть об отъезде Элен Брэдли. Элен ведь сама сказала, что, возможно, они уедут из Ласковой Долины только через несколько недель.

«Так зачем горевать об этом сейчас? – спросила она себя. – В предстоящие дни мне и так предстоит столько, что можно пока не волноваться о приеме новых членов в команду болельщиц».

К тому же она была решительно настроена сделать так, чтобы оправдать перед одноклассниками обещание превратить эстафету «Качаемся без перерыва» в самое что ни на есть веселое событие!

6

Было утро среды. Линн взволнованно сглотнула.

«Это должно произойти сейчас», – сказала она себе, бросая взгляд в коридор, чтобы убедиться, что там никого нет.

Был первый урок, у нее – час самоподготовки, и она хотела положить кассету в ящик в редакции «Оракула», когда ее никто не увидит. Это, наверное, был самый подходящий момент – все еще были на занятиях.

В десятый раз Линн думала, правильно ли она поступает. Зачем вообще отдавать песню? А что, если узнают, кто ее написал?

«Да нет, – уверяла она сама себя, проверяя, лежит ли конверт в сумке. – Никто не сможет догадаться, кто на самом деле эта неизвестная певица».

Набрав в грудь побольше воздуха, Линн быстро пересекла коридор и взялась рукой за ручку двери, чтобы войти в редакцию. К ее ужасу, дверь широко распахнулась, и из комнаты вылетела Элизабет Уэйкфилд, чуть не сбив Линн с ног.

– Линн! – явно пораженная при виде Линн сказала Элизабет. – Прости, пожалуйста. Я тебя не задела?

– Н-н-нет, – запинаясь, ответила Линн, вся покраснев. – Да я сама виновата.

Элизабет облегченно улыбнулась.

– Это дверь виновата, – сказала она и рассмеялась. – У нас

тут такие случаи «без виноватых» все время происходят!

Линн слышала, как колотится ее сердце. Она ругала себя за то, что не продумала вариант, что кто-то может оказаться внутри редакции. Элизабет ведь может в любой момент спросить, что Линн здесь делает, и тут все раскроется. Чувствовала она себя ужасно, к тому же была уверена, что секрет написан у нее на лбу.

– Могу я тебе чем-нибудь помочь? – спросила Элизабет. – Ты хотела зайти?

Линн заморгала, чувствуя неловкость ситуации.

– Да нет, Лиз. Поверишь, я просто ошиблась кабинетом. – Она рассмеялась абсурдным и неестественным смехом, от которого сама съежилась.

Элизабет странно на нее посмотрела, но ничего не сказала.

– Ну ладно, я побежала, – сказала она, по-прежнему внимательно глядя на Линн. – Тебе, правда, ничего не надо?

– Правда, – ответила Линн преувеличенно весело.

– Пока. – Элизабет закрыла за собой дверь, улыбнулась Линн на прощание и побежала по коридору.

«Вроде обошлось», – подумала Линн. Она подождала, пока Элизабет завернет за угол, затем открыла дверь, поспешно забежала в редакцию, убедилась, что там никого нет, и опустила конверт в ящик с надписью «Заявки на участие в песенном конкурсе «Друидов». Вытерев лоб рукавом, Линн выскочила обратно в коридор, закрыла за собой дверь и с

облегчением выдохнула.

Дело сделано. Никто не сможет догадаться, кто на самом деле эта неизвестная певица. Элизабет тоже не установит это совпадение. В ящике уже лежало несколько кассет, и никто не заподозрит, что этот желтый конверт чем-то отличается от остальных.

Линн почувствовала огромное облегчение. Ей удалось подать свою песню на участие в конкурсе и не быть обнаруженной. Она вложила в эту песню все, обнажила душу, впервые раскрыла свои самые потайные чувства. Если кто-нибудь догадается, что это поет она, для нее это будет конец.

Однако, проделав операцию, она была уверена, что никто ничего не узнает.

На ровной зеленой лужайке под огромными дубовыми деревьями перед школой собралась небольшая толпа. Был час дня в пятницу, и обеденный перерыв подходил к концу. В центре толпы находились «Друиды», которые зачитывали названия конкурсных песен и вставляли кассеты в магнитофон, работавший от батареек. Элизабет и Джессика тоже внимательно слушали вместе с остальными, ожидая ту идеальную песню, которая станет автографом для «Друидов». Четыре уже прослушанные песни очень походили одна на другую. Они были неплохими, но ничего особенного.

– Не знаю, – сказала с тревогой Элизабет. – Похоже, мы не обнаружим того, что ищем.

– Эй, а это что такое? – сказал Гай, достав очередную кас-

сету из желтого конверта и повертев ее в руках. – Подписано «Автор неизвестен», – объявил он, вопросительно глядя на кассету. – «Глядя извне» (автор неизвестен)».

– Что это за название? – спросил Кен Мэтьюз. – «Глядя извне». Звучит как-то странно.

– Давайте послушаем, – сказал Гай, вставляя кассету в магнитофон.

Когда он его включил, все затихли. Сначала было слышно только работу магнитофона, а затем зазвучал необычайно сильный, глубокий, красивейший голос.

– Вот это да, – заметил Кен, даже выпрямившись. – Кто бы она ни была, петь она умеет!

– Тихо! – сказал Гай с застывшим лицом.

Он прибавил звук.

– Вслушайтесь в слова!

Элизабет почувствовала покалывание в спине по мере того, как всепроникающая мелодия звучала из магнитофона. Она не могла поверить, что кто-то из ее сверстников мог написать песню, полную такой зрелости, такого глубокого и мучительного чувства.

– Подождите! – закричал Гай. – Мы должны перемотать обратно и прослушать все сначала. Я и не представлял, что здесь кто-то мог так писать.

На этот раз аудитория с самого начала приготовилась услышать чудо. Гитара зазвучала снова, и голос запел полные муки строки с самого первого слова:

День за днем я чувствую себя одинокой,
День за днем я думаю только о нем, Что-то в глазах его
оживляет мои надежды.

Но он – часть мира, в котором нет меня,
И его слова не обманут меня,
Я никогда не выиграю.

Так было всегда.

Я вне этого круга... гляжусь извне.

Ночь за ночью я произношу молитву, Ночь за ночью...
кто-то будет думать обо мне!

Кто-то услышит меня,

Кто-то, кто будет рядом...

Но ничто не изменится.

Сны меня не обманут.

Я совсем одна.

Вы должны мне поверить.

Я не могу выиграть.

Так было всегда...

Я вне этого круга – вне этого круга... Гляжусь извне.

Когда затих последний аккорд, все продолжали молчать.
Гай с горящими от возбуждения глазами схватил Дану за руку.

– Вот она, – сказал он, запинаясь от волнения. – Вот та
песня, которую мы искали!

Все взволнованно зашумели.

– Какая прекрасная песня, – сказала Элизабет.

– Кто бы это мог быть? – спросила Инид.

Гай вскочил на ноги, щеки его горели.

– Хорошо! – воскликнул он, явно пытаясь сдержать возбуждение. – Перед нами задача, ребята. Мы должны узнать, кто этот неизвестный автор. Могу я рассчитывать, что вы все мне поможете?

– А ты не думаешь, что сделать это будет нелегко? – спросил Кен. – Кто бы она ни была, она явно не желает быть раскрытой. Иначе почему бы ей не подать кассету под своим собственным именем?

– Мы должны ее найти, – упрямо повторил Гай, перематывая пленку, чтобы еще раз прослушать песню.

Глаза его выражали какое-то странное чувство – что-то между благоговением и отчаянием.

– Неужели не понимаешь? Я обязан найти девушку, которая написала эту песню.

– Линн, – спросил мистер Коллинз, поднимаясь из-за стола и поправляя со лба светлые волосы, – ты не могла бы задержаться на несколько минут? Я хотел бы обсудить с тобой твоё сочинение по Эмили Дикинсон.

– Конечно, – промямлила Линн.

Она и правда особо не спешила идти есть свой сэндвич. Главное событие недели – передача песни на конкурс в редакцию «Оракула» – было позади. Теперь она желала лишь, чтобы время пролетело побыстрее. Скоро наступят выходные, когда она сможет заняться своей музыкой. А в субботу

она ведет урок игры на гитаре в Музыкальном центре.

Мистер Коллинз нахмурился над ее тетрадью. В горле у Линн пересохло. Что она сделала не так? Она много трудилась над этим сочинением, больше, чем обычно.

– Линн, в этом сочинении есть некоторые очень сильные вещи, – сказал мистер Коллинз, глядя ей прямо в глаза. – У тебя очень оригинальный взгляд на поэзию Эмили Дикинсон, и ты очень хорошо пишешь.

– Спасибо, – смущенно сказала Линн.

Она отнюдь не ожидала, что ее будут хвалить.

– Вообще, – продолжал мистер Коллинз, – у меня такое чувство, что у тебя большой природный талант к писательству. Ты сама не пишешь стихи?

Линн почувствовала, как щеки ее краснеют.

– Н-нет, – выговорила она.

В общем-то, она ведь не лгала. Ведь песни – это не стихи?

С минуту мистер Коллинз смотрел на нее молча.

– Если ты когда-нибудь что-то все-таки напишешь, то, надеюсь, ты сочтешь возможным показать это мне? Я с удовольствием прочту.

Линн чувствовала себя ужасно. Мистер Коллинз был таким приятным, не ругал ее за то, что она вечно молчит на уроках, или за что-то еще. Она хотела бы иметь мужество рассказать ему, что пишет песни. Но она не могла заставить себя сказать ничего.

– Спасибо, – проямлила она, забирая сочинение. – Я ра-

да, что оно, по-вашему, «ничего».

Мистер Коллинз рассмеялся.

– Оно больше чем «ничего», – сказал он ей.

Неожиданно голос его стал серьезным.

– Когда-нибудь, Линн, ты поймешь, что ты больше чем «ничего». И знаешь что? Я очень надеюсь оказаться рядом и увидеть выражение твоего лица в тот момент, когда ты поймешь это.

Глаза Линн наполнились слезами. Что он имел в виду под словом «больше чем ничего»?

Ей было трудно в это поверить. А если мистер Коллинз полагает, что произойдет какое-то чудо, которое заставит ее изменить собственное мнение о себе, то ему предстоит очень трудная задача.

Линн Генри по-прежнему убеждена, что она – самое большое на Земле ничтожество.

Линн стояла перед своим шкафчиком в раздевалке, печально рассматривая кипу учебников и тетрадей, в которых неизвестно сколько времени собиралась навести порядок. Последний урок закончился, и впереди были выходные. Почему же она не радовалась этому, как обычно?

В голове ее продолжали звучать слова мистера Коллинза. Если бы он был прав – если бы действительно существовало нечто такое, что раз и навсегда доказало бы ей, что она чего-то стоит! Глядя на беспорядок в шкафчике, Линн подумала о том, чтобы принять предложение матери посетить салон «Серебряная дверь». Может, стоит рискнуть – а также попробовать носить контактные линзы и что-то сделать с волосами?

Линн резко захлопнула дверцу шкафчика и помчалась через фойе в женский туалет. Поставив рюкзак на пол, она прошла по кафельному полу к умывальнику и взглянула на себя в зеркало.

«Боже праведный», – подумала она.

Она выглядела еще хуже, чем думала. Волосы были необычайно непослушными сегодня и стояли над головой в виде угловатого нимба. Очки заляпаны, а кожа при флюоресцентном освещении туалета выглядела даже более болезненно желтой, чем обычно. А одежда! Линн даже не помни-

ла, как одевалась сегодня утром, но что побудило ее натянуть все те же обвислые джинсы и старую морскую футболку?

«Вот оно, – сказала себе Линн, рассматривая собственное отражение в зеркале. – Вот она, реальность».

Внезапно она почувствовала, что ей надоело быть такой неряхой. Да, небо не одарило ее при рождении красотой, но это вовсе не означало, что нужно плюнуть на себя и еще больше усугубить ситуацию.

Полная решимости, Линн вылетела из туалета в коридор и столкнулась с ним. Лицо ее густо покраснело.

– Гай... – пробормотала она, неуклюже отступив назад и чуть не упав.

Гай рассмеялся и протянул руку, чтобы подхватить ее.

– Куда ты мчишься? – поинтересовался он.

Линн сглотнула. Она ощущала тепло его руки на своей.

– Строго говоря, я просто шла домой, – призналась она.

«Ну, давай, спроси его, пойдет ли он домой пешком», – подталкивала Линн себя.

Но она просто продолжала стоять, молчаливая и смущенная, мечтая, что пол развернется и она навсегда исчезнет.

– Ну, если ты подождешь минуту, я пойду с тобой, – радостно сказал Гай. – Мне нужно только забрать кассеты.

– Я буду здесь, – нервничая, сказала Линн.

Песенный конкурс каким-то образом она успела выбросить из головы. Но, как только Гай напомнил о нем, сердце ее заколотилось. Может быть, он уже слушал «Глядя извне».

Может быть, весь состав «Друидов» слушал – и решил отказаться от этой песни! Теперь она была уверена, что совершила большую ошибку, решившись подвергнуть свое творение такому серьезному испытанию, как конкурс «Друидов». Кого она пытается обмануть?

– Как идет песенный конкурс? – спросила она с пересохшим ртом Гая, когда тот вернулся.

Глаза его загорелись.

– Ты не поверишь, – сказал он, открывая перед ней дверь и выходя вслед за ней на улицу, где оба ощутили тепло и сладость дневного воздуха. – Во время обеда мы прослушали пленки, и вечером группа соберется опять, чтобы прослушать их еще раз. Но думаю, что мы уже нашли то, что нам нужно. Эта девушка написала просто потрясающую песню. Да она еще и поет! От такой песни мурашки бегут по коже. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Линн удрученно посмотрела на него. Он уже нашел певицу своей мечты и даже не слышал ее, Линн, песни! Она почувствовала неприятный привкус во рту. Внезапно она представила себе Гая, обнимающим автора-победительницу, какую-нибудь фигуристую девицу с красивым лицом.

«Это нечестно», – горько подумала она.

– Я очень хочу, чтобы ты услышала, как она поет, – продолжал Гай, отчего она почувствовала себя еще хуже. – Линн, мне кажется, что ты действительно разбираешься в женщинах-исполнительницах. Скажи, что ты об этом дума-

ешь, – с энтузиазмом добавил он, вытаскивая из рюкзака плеер и кассету.

Он вставил кассету в магнитофон и передал Линн наушники.

Глаза Линн раскрылись от изумления, когда из поролоновых наушников запел ее собственный голос. Гай слушал ее кассету, и ему понравилось! Как он сказал?

«Песня, от которой мурашки бегут по коже...»

С трудом сдерживая себя, Линн прослушала песню до конца, затем сняла наушники и отдала Гаю плеер.

– Не знаю, право, – осторожно сказала она, глядя в тротуар. – Тебе она действительно нравится?

Гай в нетерпении мотнул головой.

– Она потрясающая! Мне хочется слушать песню снова и снова. Она просто не выходит из головы.

Лицо Линн горело.

– А текст? – спросила она. – Думаешь, он достаточно оригинален?

– Оригинален? – Гай уставился на нее. – Бесподобный текст. Если бы только, я смог найти эту девушку и сказать, что я о ней думаю...

Пульс Линн участился.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно спросила она. – Должно быть, ее нетрудно найти.

Гай печально покачал головой.

– В том и весь ужас, – простонал он. – Она не подписала

кассету! Можешь себе представить, она участвует в конкурсе анонимно. Конечно, по-иному и быть не могло. Мы получаем одну великолепную песню-участницу и не можем найти автора!

Линн ощутила облегчение. Значит, она вне опасности. «Друиды» не имеют ни малейшего понятия, кто написал песню.

– Может быть, она признается, когда вы объявите победителя, – небрежно сказала она, в то же время подумав:

«Нет уж, не признается, пока я контролирую ситуацию».

Гай нахмурился.

– Надеюсь, – ответил он. – Линн, это замечательная девушка. У нее действительно талант! Голос у нее такой, что она могла бы добиться самого большого успеха, если у нее будет хороший ансамбль. Ты же видишь, – сказал он взволнованным голосом, – мы обязаны найти ее!

– Интересно, как она выглядит? – сказала Линн, пряча глаза.

Гай на минуту замолк.

– Не знаю, – мягко произнес он, однако глаза его светились. – Но чувствую, что она поистине страстная, поистине необычайная. Даже просто слушая ее, я представляю, что она не похожа ни на кого, кого я знаю. Черт побери, – закончил он, совсем не дыша, – представляешь, как было бы здорово, если бы мы аккомпанировали ей. Это было бы ожившей мечтой. Как будто играть для Линды Ронстадт, – улыб-

нулся он Линн.

У Линн снова пересохло во рту. Гай, наверное, представляет себе, что эта девушка и выглядит, как Линда Ронстадт. «Совершенно особенная» – так он сказал.

Линн не нужно было долго думать, чтобы представить, что он имел в виду. С хорошей фигурой, грациозная, красивая, такая, которая на сцене будет так же хорошо смотреться, как и звучать.

Как правильно она поступила, не признавшись в авторстве песни! Она ни за что не хотела бы разочаровать Гая, разбить на части его мечту. Пусть он по-прежнему думает, что анонимный автор этой песни – та девушка, которую он ждал всю жизнь.

Линн знала, как ей надо поступить, и она была полна решимости, и просто обязана сделать так, чтобы никто не узнал правды, сколь бы трудно ей ни было продолжать прятаться.

– Ну, ладно, Элизабет Уйэкфилд, – воскликнула Джессика, запрыгивая на сиденье «фиата» рядом с сестрой.

Была пятница, и двойняшки собирались ехать из школы домой.

– Ты сама скажешь, кто этот анонимный песенник, или я должна заставить тебя это сделать?

Элизабет рассмеялась.

– Ты льстишь мне, – сухо сказала она. – Откуда мне знать?

Джессика нахмурилась:

– Ну серьезно, Лиз. Мы с Карой уже решили, что эстафета

«Качаемся без перерыва» будет прекрасным местом, чтобы объявить имя этой таинственной женщины. Это привлечет народ! Но мы не сможем огласить ее имя, пока не узнаем, кто она.

– Это не лишено смысла, – заметила Элизабет и засмеялась. – Твоя пронизательность потрясает меня.

Джессика надула губы.

– Я не шучу, – сказала она. – Неужели ты не скажешь даже любимой сестре? Человеку, ближе которого у тебя никого нет во всем мире?

Элизабет рассмеялась:

– Ты что правда удивишься, если я скажу, что не имею понятия, кто эта таинственная певица?

Джессика заморгала:

– Не верю. Моя сестра, суперрепортер, девушка, которая всегда все узнает раньше всех. Как ты можешь не знать, кто на самом деле эта певица?

– Потому что, – сказала Элизабет, заводя машину и выезжая со стоянки, – никто не знает, Джес. Думаю, в этом весь смысл. Она правда хочет, чтобы никто не знал.

Джессика выглядела раздавленной.

– Что за дурацкая шутка? Как же мы завтра огласим ее имя?

Элизабет рассмеялась:

– Видимо, не получится. А что, у вас завтра и так недостаточно всего?

– Да нет, достаточно. Но это так подошло бы. Мы уже все продумали!

– Странно, – заметила Элизабет. – Почему же эта девушка не хочет получить признание за свою песню? Тем более что она несомненно очень талантлива.

– Тут я ничего не подскажу, – ответила Джессика. – Если бы я написала такую песню, то можно биться об заклад, я бы этого не скрывала!

– Трудно представить, чтобы ты хоть что-нибудь скрыла, – сказала Элизабет с улыбкой.

Затем лицо ее посерьезнело.

– Но это все же действительно странно. Может быть...

– Может быть, что? – спросила Джессика, которая достаточно хорошо знала сестру, чтобы по задумчивому выражению ее лица понять, что та, возможно, о чем-то догадывается.

Элизабет нахмурилась, продолжая вести машину.

– Не знаю, Джес. Но мне это кажется странным. И в какой-то мере печальным. Потому что та, кто написала эту песню, раскрыла душу. Начинаешь думать, что...

– Ну, она ничего другого не должна ожидать, если не хочет даже, чтобы люди узнали, кто она, – прервала ее Джессика.

– Да, но в этом может отчасти и заключаться проблема, – размышляла Элизабет. – К тому же песня очень личная. Тот, кто написал ее, может не желать признаться в своих чувствах. Особенно, если она застенчива или человек, не слыш-

ком уверенный в себе.

Джессика передернула плечами.

– Скорее всего, она сама себя объявит, когда узнает, что выиграла конкурс. Судя по тому, о чем говорили Дана и Гай за обедом, это вопрос решенный.

Элизабет остановилась на красный сигнал светофора и повернулась к Джессике.

– Может быть, сегодня вечером мы узнаем побольше, – предположила она.

Двойняшки собирались вечером пойти в «Бич Диско» – популярный танц-клуб прямо на берегу океана.

– Гай сказал мне, что собирается устроить серьезный розыск этой девушки. И у меня такое чувство, что он начнет его сегодня вечером!

8

К половине десятого танцы в «Бич Диско» были в полном разгаре. Диск-жокей заводил самые популярные песни, и танцевальный зал был заполнен учащимися из школы Ласковой Долины. Джессика танцевала с Кеном Мэтьюзом, и ее узкие белые джинсы расцветивались разным цветом от загорающихся и гаснущих наверху ламп. Кен, симпатичный блондин, капитан футбольной команды, только что разорвал роман с Сюзанной Хэнлон – капризной и претенциозной старшеклассницей, вознамерившейся сделать из спортсмена-удальца Кена человека «культурного». Элизабет этот танец не танцевала, уже устав от предыдущего с Уинстоном Эгбертом.

– Клянусь, – в шутку сказала она Инид, сидящей вместе с ней за маленьким столиком, – танцевать с Уинстоном – все равно что бежать марафон. У парня энергии на пятерых нормальных людей.

Инид хихикнула.

– Ну, мне тоже не мешает передохнуть, – сказала она подруге, убирая с лица расческой гладкие каштановые волосы. – Строго между нами, – добавила она, понизив голос, – думаю, что Brent Steyn прекрасный танцор.

Brent, высокий серьезный старшеклассник с серыми глазами и саркастическим юмором, был последней тайной лю-

бовью Инид.

– Смотри, – внезапно воскликнула Элизабет, взглянув в сторону. – Сюда идет Гай Чесни. Он как будто не в себе.

– Он разыскивает таинственную певицу, – сказала Инид. – Что-то подсказывает мне, что он сейчас попросит твоей помощи. И еще подсказывает, – она поспешно вскочила, – что мне пора пойти и убедить Брента Стейна танцевать следующий танец со мной.

– Ты покидаешь меня, – недовольно сказала Элизабет.

– Правильно, – засмеялась Инид. – Увидимся.

Через минуту Инид уже растворилась среди танцующих, а Гай, естественно, оказался около столика Элизабет.

– Лиз, – окликнул он ее, когда подошел достаточно близко, чтобы музыка не заглушала его, – я повсюду тебя ищу!

Элизабет улыбнулась:

– Что-то подсказывает мне, что ты ищешь не только меня. Но, Гай, я понятия не имею, кто эта таинственная певица. Поверь, мне так же хотелось бы это знать, как и остальным.

– Лиз, – произнес Гай, явно расстроенный, – можем мы на пару минут выйти отсюда? Здесь я ничего не слышу.

– Хорошо, – сразу ответила Элизабет.

Гай ей нравился, и она хотела как-то ему помочь. Во всяком случае, она будет внимательным слушателем, а кроме того, с удовольствием выйдет на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

– Ух, – произнес Гай, закрыв за собой дверь дискотеки и

вдыхая мягкий ночной воздух. – Боже, что может сравниться с запахом океана, – добавил он, протягивая Элизабет руку и помогая ей перебраться через волнорез, отделяющий дискотеку от гладкого песчаного пляжа.

Элизабет охватила невольная дрожь, когда она увидела отражение овала луны на морщинистой поверхности воды перед ними.

– Здесь бесподобно, – словно выдохнула она.

Гай поднял ракушку и бросил ее в море.

– Люблю воду. Когда я был маленьким, то часто часами просиживал на пляже. Я был уверен, что если смотреть очень внимательно, то можно увидеть Китай.

Элизабет вопросительно взглянула на Гая своими бирюзовыми глазами.

– Но сейчас-то ты ищешь не Китай, – нежно сказала она.

– Ты догадлива, Лиз. Именно поэтому мне захотелось выйти сюда и поглядеть на воду. Для меня в этом всегда было чудо. А сегодня мне кажется, что именно чудо мне необходимо.

Элизабет улыбнулась:

– Может быть, я догадлива, но я не волшебница. Мне действительно хотелось бы помочь тебе найти эту таинственную певицу, но у меня нет ни малейшей догадки.

– Ты уверена? Ни малейшего подозрения?

Элизабет покачала головой. Гай был так расстроен, что ей захотелось расплакаться.

– Правда, Гай. Ни малейшего подозрения. – На минуту она задумалась: – А ты не думал о том, что она не желает быть раскрытой? Ведь девушка не просто так решила участвовать в конкурсе анонимно?

Лицо Гая помрачнело.

– Лиз, я обязан ее найти! Я снова и снова включаю эту песню, и такое впечатление – даже не знаю... Как будто она написана для меня или что-то в этом роде. Это звучит странно, но, когда я слышу ее голос, меня охватывают совершенно необычные чувства. Как будто это та, кого я искал всю жизнь. Я просто обязан найти ее!

Элизабет с удивлением выслушала эту полную отчаяния речь.

– Я хотела бы помочь тебе, – нежно сказала она.

– Я просто подумал – ведь ты работаешь в «Оракуле» и все такое, – что ты можешь оказаться хорошим следователем. – Он выглядел смущенным. – Знаешь, все всегда говорят, что хороший репортер должен быть сыщиком. А ты самый лучший репортер, которого я знаю! Просто я надеялся...

Элизабет покачала головой и сочувственно взяла его за руку.

– Я, конечно, помогла бы, если бы могла, – сказала она. – Честное слово. Но я не представляю даже, с чего начать. Даже хорошему репортеру нужна подсказка, а тут, похоже, даже не от чего оттолкнуться!

– Ну, все равно спасибо, – произнес Гай, грустно глядя на

океан. – Думаю, я побуду здесь еще немного, – сказал он вопросительно посмотревшей на него Элизабет. – Ты не против, Лиз? Мне просто нужно побыть одному, еще раз все продумать.

– С тобой все в порядке?

Гай кивнул.

– Спасибо, Лиз. Я знаю, что ты помогла бы, если бы могла. Ты хороший человек.

Элизабет вздохнула. Ей совершенно не хотелось оставлять его одного в расстроенных чувствах. Но она сказала правду. Она совершенно не догадывалась, кто же эта таинственная певица, которую ищет Гай.

– Ну, и что Гай? – спросила Инид, снова садясь за стол и потягивая через соломинку прохладительный напиток. – Ты убедила его, что та, кого он ищет, – это я? Что это я величайший музыкальный талант во всей истории школы Ласковой Долины?

Элизабет дружелюбно рассмеялась.

– Да брось ты, Инид. Вообще-то, – сказала она, понизив голос, – я даже волнуюсь за него. Он, похоже, как-то слишком взволнован из-за этой девушки. Может быть, он...

– Может быть, он – что?

Элизабет нахмурилась:

– Ну, это уже не похоже на то, что он интересуется ею как руководитель конкурса талантов. Это выглядит, как будто эта девушка проникла ему в душу, как будто она начина-

ет действительно что-то значить для него – и не только как сочинитель песен.

Зеленые глаза Инид расширились.

– Ты думаешь...

Элизабет размешала соломинкой напиток.

– Думаю, Гай Чесни влюбился, – наконец выговорила она; ее взгляд был полон тревоги. – Беда в том, что он даже не знает ее имени! И не имеет ни малейшего представления, где ее искать.

– Да! – заворуженно произнесла Инид. – Это самая романтичная история, какую я слышала за всю свою жизнь! – Она бросила через зал взгляд на Б рента. – Может, мне тоже попробовать? – добавила она, захихикав от собственных мыслей. – Можешь себе представить, что я пошлю Бренту кассету с записью собственной песни? «Хочешь ли ты испытать удачу... – пропела она безо всякой мелодии. – Рискни и потанцуй со мной...»

Элизабет благосклонно покачала головой:

– Ты с ума сошла. Совершенно. Однако если говорить серьезно, то я волнуюсь за Гая. Не представляю, как он ее найдет.

– Я знаю, – сказала Инид, перестав смеяться. – Все это слишком грустно. Вот если бы эта девушка просто призналась и рассказала всем кто она!

– Это было бы прекрасно, – отозвалась Элизабет. – Но что-то подсказывает мне, что этого не произойдет.

– Думаю, ты права, – согласилась Инид. – И бедный Гай либо забудет про свою девушку, либо будет напрасно терять время, гоняясь за призраком.

– Интересно, – задумчиво произнесла Элизабет, – догадается ли этот призрак о том, какой переполох она устроила?

Линн находилась наверху, в спальне, и с недовольством рассматривала содержимое своего стенового шкафа. На полу вокруг нее валялась куча журналов моды, в каждом из которых были напечатаны советы на разные темы: как навести порядок в шкафу, как улучшить форму бедер, как подкрасить волосы, как сделать так, чтобы скулы казались выше. В этом было что-то загадочное, что-то от того мира, который Линн всегда отказывалась принимать. Она вынуждена была признать: некоторые из статей были занимательными. От идеи тратить столько времени на свою внешность веяло декадентством. Но было в ней и что-то привлекательное!

Это происходило в пятницу вечером, и матери не было. Линн полностью использовала ее отсутствие. Первую половину вечера она провела в ванной, по очереди вливая в горячую воду различные загадочные лосьоны. Масла того, масла этого – казалось, что она на уроке химии!

Выйдя из ванной, Линн завернулась в огромное мягкое банное полотенце. А затем, усевшись за широкую блестящую стойку в ванной, под флюоресцентными лампами, она долго и внимательно смотрела на себя в зеркало. Ей захотелось выщипать брови, но делать это в очках было слишком трудно.

Тогда, впервые за несколько месяцев, она надела контактные линзы. Выщипывать брови было больно! К тому же она все время чихала. Однако журналы об этом предупреждали. К тому же она вынуждена была признать, что итоговый результат был интересным. Глаза ее теперь казались больше, чем обычно, и более широко расставленными.

Затем, критически осмотрев кучу старых джинсов в шкафу, она задумалась над тем, подойдет ли ей то, что журналы советовали для ее фигуры.

«Полностью используйте преимущества высокой и худощавой фигуры, – было написано в одной из статей. – Носите одежду ярких цветов, с полосами и узорами – и одежда не должна на вас висеть!»

– Какой кошмар, – сказала Линн, глядя на неряшливую одежду, которую она носила последние годы. Вся она походила на ту грязную форму, в которой Линн в детстве играла в футбол. Теперь она вынуждена была признать, что как-то несерьезно подходила к вопросу о том, во что она одевалась. Настало время это изменить.

У самой стены в шкафу висела одежда, которую мать настойчиво покупала ей на каждое Рождество и на дни рождения. Линн почти что не разглядывала ее, когда открывала пакеты, думая о том, что лучше бы ей подарили пластинки или ноты. Теперь она впервые рассматривала эту одежду. И многие из вещей оказались совсем не плохи. Они были гораздо более яркими и броскими, чем то, к чему она при-

выкла. Наконец, она остановила свой выбор на хлопчатобумажном комбинезоне с синим рисунком. Он был похож на модель из последнего номера журнала «Инженю». Линн нашла нужную страницу в журнале, полная решимости максимально точно скопировать модель. Она надела комбинезон поверх футболки, обвязала пояс вокруг талии и даже нашла у матери неплохие серьги.

– Хм, – произнесла она, рассматривая итог своих усилий в зеркале.

Она еще не стала красавицей, но уже выглядела интересной. Впервые в жизни Линн осознала, что ей вовсе не обязательно походить на огромный бобовый стручок. Она могла выглядеть высокой и худощавой, что, если верить всем этим журналам, и было идеалом. Яркий комбинезон делал ее более интересной и стройной, а не просто худой.

«В любом случае, – сказала себе Линн, – начало положено».

Может быть, когда мать вернется, она попросит отвести ее в «Серебряную дверь». Может быть, они смогут хоть что-то сделать с волосами – ничего особенно кардинального, – а также дадут несколько советов, как пользоваться косметикой...

К ее удивлению, снизу послышался звук открывающейся входной двери. Мать уже дома, и она не успеет убраться в ванной и снять с себя этот идиотский костюм! Дрожащими руками Линн попыталась снять материны серьги.

«Она посмеется надо мной, – в ужасе подумала Линн. – Она посчитает меня клоуном, полным посмешищем...»

– Линн, – раздался голос миссис Генри. – Я решила сразу после ужина вернуться домой. Очередь в кино была слишком длинной.

– Сейчас иду, мам! – крикнула в ответ Линн, неподвижно застыв перед зеркалом.

– Не волнуйся, – отозвалась мать уже с середины лестницы. – Мне все равно еще надо разуться. Эти туфли погубят мои ноги. – Голос матери приближался с каждым словом, а Линн, совершенно несчастная, просто застыла на месте. Теперь поздно что-либо делать. Придется встречать ее в таком виде.

– Что ты делаешь, дорогая? – спросила она, постучавшись в дверь и через секунду открыв ее. – Могу я... – начала она, но не успела закончить своего вопроса. – Линн, на тебе комбинезон, который я покупала?

– Не смейся, – чуть не подавилась слезами Линн. – Я просто хотела попробовать – попробовать выглядеть лучше...

– О, дорогая! – воскликнула мать, подойдя и обняв руками дочь. – Линн, ты выглядишь прекрасно! Действительно прекрасно! И я никогда, никогда не посмеюсь над тобой, – нежно добавила она, раскачивая дочь и разглаживая ее волосы. – Дорогая, ты – все, что у меня есть во всем мире. Неужели ты не понимаешь?

Линн слегка отстранилась и посмотрела на мать.

– Как ты думаешь, могу я в скором времени пойти с тобой в твой салон? – спросила она. – На этот раз я действительно хочу попытаться. Мне надоело быть такой неряхой.

– Ах, Линн, – ответила, запинаясь, миссис Генри. – Конечно, ты можешь пойти в салон. Но ты не неряха. Ты, – по щекам ее катились слезы, – ты – самая замечательная девушка в мире. Знаешь ли ты это?

Линн непонимающе посмотрела на маму, будучи не в состоянии произнести ни слова.

– Дело в гораздо большем, чем просто поход в «Серебряную дверь», – серьезно продолжила она. – Дело в том, чтобы быть высокого мнения о себе – действительно высокого мнения – и быть способной замечать не только свои слабости, но и свои достоинства и таланты. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Линн кивнула, поскольку горло у нее перехватило. Она понимала все, что говорила мать. И впервые в жизни она не отпихивала это от себя и не пыталась игнорировать ее советы. Потому что понимала – ей была нужна материнская помощь. А она была готова и желала изменить свою жизнь.

9

– Лиз, – сказала Джессика, вбегая в симпатичную, отделанную в испанском стиле, кухню в доме Уэйкфилдов, где сестра доедала тарелку хлопьев, – хочешь посмотреть, сколько обязательств о взносах я собрала для сегодняшней эстафеты? – Вся расцветшая от триумфального настроения, она положила папку с зажимом для бумаг на кухонный стол. – У нас будет самая лучшая на свете форма! Как ты считаешь, здорово я буду смотреться в короткой белой юбке? – Она покрутилась вокруг себя, будто пытаюсь представить, как при этом будет развеваться ее будущая форма, и Элизабет громко рассмеялась.

– По-моему, цыплят все же лучше считать по-осени, не правда ли? – спросила она, отодвигая от себя утреннюю газету.

– Я вот думала, – серьезно спросила Джессика, плюхаясь на стул напротив сестры, – не сможешь ли ты мне с утра оттащить кресло-качалку в спортзал, а потом, может быть, развесить декорации? Ты чем-то занята?

Элизабет отпила чаю и покачала головой:

– Прости, но я собираюсь сбегать в Музыкальный центр и попытаться купить пластинку Билли Холидэй, такую же, как у Инид.

Джессика наморщила нос.

– Лиз, тебе не кажется, что Инид за последнее время стала еще более занудной?

Элизабет нахмурилась. Ее лучшая подруга всегда раздражала сестру, которой не нравилась их близость и которая считала, что скучнее Инид Роллинз могла быть только тарелка каши.

– Тебе известно, что я не считаю Инид ни капельки занудной, – тихо проговорила Элизабет. – И тебе известно также, что мне неприятно, когда ты о ней плохо отзываешься.

Джессика сделала невинный вид:

– Ничего плохого я не сказала. Просто я считаю, что ей надо быть немножко поживее. Ты знаешь, этот джинсовый костюм, который был на ней вчера в «Бич Диско»...

– Джес, – угрожающе произнесла Элизабет.

Джессика вздохнула.

– Хорошо-хорошо. Кстати, о «Бич Диско», – сказала она, быстро сменив тему. – Вы с Гаем Чесни провели вместе много времени. Что происходит? – Она взяла апельсин из корзины для фруктов и стала его чистить. – Тебе он начинает нравиться, что ли?

Брови Элизабет взлетели.

– Гай Чесни? Нет, – ответила она. – Во всяком случае, не в том смысле. Он пытался узнать, не известно ли мне что-нибудь о таинственной певице.

– Вот видишь! – пронзительно воскликнула Джессика. – Все считают, что ты что-то знаешь. Ну, Лиз, если ты скры-

ваешь это от собственной сестры...

– Ничего я не скрываю, – заверила ее Элизабет, вставая из-за стола и складывая посуду в раковину. – Тебе я сказала бы первой, Джес. Кстати, – добавила она, включив горячую воду, – как ты собираешься запихнуть кресло-качалку в «фиат»? Оно ни за что не влезет.

– Видимо, придется позвонить кому-нибудь, у кого большой автомобиль, – ответила Джессика.

Тут она с триумфальным видом щелкнула пальцами и воскликнула:

– У Макса Делона микроавтобус! Я ему сейчас же звоню. Элизабет рассмеялась. Это было подходящее время, чтобы быстренько смыться.

Через двадцать минут Элизабет поставила «фиат» около Музыкального центра и вбежала в ярко освещенный магазин. Музыкальный центр состоял из трех помещений: зал, где были выставлены пластинки и кассеты, зал музыкальных инструментов и нот, а также маленькая студия, где проходили музыкальные занятия. Ящики, установленные в главном зале, были заполнены рядами пластинок, и Элизабет начала перебирать пластинки под буквой «Х» в разделе блюзов.

«Вот она», – сказала про себя Элизабет, доставая пластинку и посмотрев, что происходит у кассы. Продавец был занят с другим покупателем, и Элизабет, вместо того чтобы ждать в главном зале, прошла в соседний, разглядывая великолепные инструменты. Сама она никогда ни на чем не играла, но

музыку любила и получала удовольствие, когда видела красиво расставленные прекрасные инструменты.

Элизабет хотела взять в руки какие-то ноты, когда услышала доносящиеся из маленькой комнаты звуки гитары. Она не очень хорошо слышала на таком расстоянии, но, кто бы это ни играл, делал он это неплохо. Положив ноты на место, Элизабет подошла к полуприкрытой двери студии.

– Смотри, пальцы надо ставить вот так, – говорил чистый женский голос. – Не так, а вот так. Понятно?

Странно, голос звучал знакомо, однако Элизабет не могла определить, чей он.

– Сыграй еще раз ту песню, – попросил детский голос, и девушка рассмеялась.

– Хорошо, еще один раз, а потом играть будешь ты, хорошо?

– Хорошо, – ответил ребенок.

Элизабет была уже рядом с входом в студию, но не видела, что происходит внутри. Она понимала, что нельзя подслушивать во время урока, но ее как-то странно притягивал к себе голос девушки. «Почему он кажется таким знакомым?» – удивлялась она.

В следующую минуту девушка провела рукой по струнам, взяла пару пробных аккордов и запела:

Он все, что есть на свете, для меня, Он учит меня чувствовать и видеть.

Я говорю вам,

Что мой мир перевернулся.

Гроза ушла, и наступает утро.

*Вокруг лишь солнце и душистый
клевер...*

Элизабет почувствовала радостное покалывание в шее. Тот самый голос, сильный, глубокий голос! Он был таким мощным и неординарным, что она бы его ни за что не перепутала! Это была неизвестная песенница – девушка, которая написала и спела замечательную песню «Глядя извне».

С бьющимся сердцем Элизабет вошла в дверь студии. Девушка склонилась над гитарой, ее непослушные каштановые волосы закрывали лицо. Сначала Элизабет не могла ее разглядеть. Но в следующую минуту девушка подняла голову и посмотрела прямо на Элизабет...

– Линн, – произнесла Элизабет, от удивления будучи не в состоянии двинуться с места.

Лицо Линн побелело.

– Джонни, – сказала она сидящему с ней рядом маленькому мальчику, с гитарой размером почти с него, – подожди здесь секундочку, хорошо? Мне надо кое с кем переговорить.

– Линн, – повторила потрясенная Элизабет. – Не могу поверить! Это ты написала «Глядя извне»! Это ты неизвестный автор песни!

Только тут Элизабет вспомнила, как столкнулась с Линн у входа в редакцию «Оракула». Теперь все сразу встало на свои места.

– Тихо, – сказала Линн.

Глаза ее были полны отчаяния. Элизабет попыталась рассмотреть ее вблизи. Линн как-то по-другому выглядела, непонятно отчего. «Глаза!» – вдруг поняла она.

На Линн не было очков.

– Лиз, ты никому не должна говорить, – горячо сказала девушка, умоляюще хватая Элизабет за руку. – Я серьезно. Я умру, если кто-нибудь узнает. Обещай, что ты никому не расскажешь!

У Элизабет рот раскрылся от удивления.

– Но ведь ты так талантлива. Почему же ты не хочешь, чтобы люди знали, что это ты? Почему ты не хочешь получить признание за эту бесподобную песню?

Линн покраснела:

– Тебе она правда нравится?

– Она великолепна! – ответила Элизабет. – Линн, ведь ты так талантлива! Неужели ты не понимаешь, – добавила она, понизив голос, – как все обрадовались, услышав песню? «Друиды» вовсю ищут тебя. Они хотят сказать тебе, что они в восторге. И они хотят исполнить твою песню на концерте!

Линн взглянула на нее.

– Ты шутишь, – сказала она, охваченная испугом. – Я никогда этого не сделаю. Неужели ты не понимаешь, Лиз? Поэтому я и не подписала кассету. Я никогда не смогла бы выступить перед аудиторией.

Элизабет внимательно посмотрела на взволнованную де-

вушку:

– Больше всех хочет найти тебя Гай Чесни. Вообще, он чуть с ума не сошел от всего этого. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так разыскивал девушку.

Линн побелела.

– Это... – Она прочистила горло. – Это как раз одна из причин, почему я не хочу, чтобы он узнал, что это я, – проворчала она, глядя на Элизабет.

– Почему? – спросила Элизабет. – Что ты имеешь в виду?

Линн передернула плечами, смутившись.

– Кажется, тебе я смогу сказать, – мягко ответила она, – хотя чувствую себя полной идиоткой. Ты посмотри на меня, Лиз! В школе меня никто не знает. Я девушка, имени которой никто не помнит, высокая, тощая девушка, с которой никто не хочет танцевать. Так что же будет чувствовать Гай Чесни, когда узнает, что певица его грез – это не кто другой, как Линн Генри? – Глаза ее были полны слез. – Его сердце будет разбито, – горячо сказала она. – А я не могу так поступить по отношению к Гаю, к которому я так... – Голос ее прервался, и она отвернулась.

Элизабет додумала про себя, как бы Линн закончила:

«...к которому я так отношусь».

Она вспомнила слова прекрасной песни Линн:

«День за днем я думаю только о нем».

Может быть, этот «он» – Гай Чесни?

– Линн, – негромко сказала Элизабет, – конечно, это не

мое дело – я тебя мало знаю. Может быть, ты застенчива, может быть, порой ты чувствуешь себя неловко, но не думай, что остальные этого никогда не чувствовали.

Линн укоризненно посмотрела на нее.

– Ну уж только не ты, – с завистью ответила она. – Господи, я бы все отдала, чтобы быть тобой! Бьюсь об заклад, ты в жизни никого не стеснялась.

– С ума сошла, – сказала Элизабет. – Я была бы не человек, если бы никогда не чувствовала стеснения! Только нельзя этому поддаваться. Ты должна думать о том, что в тебе особенного. Скажи, например, – добавила она, – хотела бы ты превратиться в меня, если бы знала, что я не могу пропеть ни ноты? Что я не играю ни на каком музыкальном инструменте и что не смогла бы написать песню, как ты, даже если мне пистолет ко лбу приставят?

Линн посмотрела на нее:

– Это правда? Ты правда не смогла бы?

Элизабет рассмеялась:

– Мой учитель музыки в младшем классе говорил, что я абсолютно безнадежна.

– Наверное, мне было бы тяжело не иметь возможности играть на гитаре, – согласилась Линн. – Наверное, я воспринимаю музыку как должное.

Элизабет передернула плечами:

– Может быть, ты не только музыку воспринимаешь как должное. Не может быть, что она – единственное, что в тебе

есть особенного. – Она вопросительно посмотрела на девушку. – Гай услышал в твоей песне что-то такое, что ему показалось необыкновенным, чем-то, что он обязательно хочет найти. Почему не дать ему этот шанс?

– Потому что он сказал мне, – Линн запнулась, с трудом сдерживая себя, – потому что он сказал, что певица его мечты – Линда Ронстадт. Я уверена, что он думает, что та, кто поет «Глядя извне», выглядит, как Линда Ронстадт, если не лучше. Я не могу разочаровать его.

– Ну, это твое дело, – ответила Элизабет. – Только не знаю, как долго продержится твой секрет. Гай решительно настроен узнать правду.

Линн неуверенно взглянула на нее.

– Только обещай мне, что никому не расскажешь, – умоляюще сказала она. – Правда, Лиз. Я не вынесу этого. Скорее умру.

Элизабет вздохнула.

– Хорошо, обещаю, – наконец сказала она.

Хотя это ей совершенно не нравилось. По дороге домой она вспоминала выражение лица Гая, когда он вчера стоял на берегу и смотрел на море.

К тому же Элизабет чувствовала, что Линн напрасно не хочет попытаться счастья. Может быть, это лучшее, что случится в ее жизни. Конечно, она была не уверена в себе. Но ее стремление уйти в себя, отказ от попыток что-либо изменить ничего хорошего ей не давали.

Если бы Гай как-то об этом узнал...

Но она дала обещание. А к своим обещаниям Элизабет Уэйкфилд относилась со всей серьезностью. Так что, похоже, таинственная певица, которую ищет Гай, так и останется загадкой.

– Это так здорово! – воскликнула Инид.

Было полдевятого в субботу вечером, и эстафета «Качаемся без перерыва» стартовала в полную мощь. Спортзал выглядел великолепно. Девушки из команды болельщиц украсили стены плакатами времен пятидесятих годов, школьными флагами и смешными картинками кресел-качалок, вырезанными из журналов. Свет был приглушен, а на большой сцене в углу зала выступали «Друиды». Первой песней, которую они исполнили, конечно же, была «Качаемся без перерыва», а рядом со сценой, в свете прожектора, в кресле, привезенном ею в микроавтобусе «Друидов», раскачивалась Джессика.

– Не могу поверить, какой бред, – засмеялась Элизабет.

Вообще-то ей понравилось, насколько гладко все шло. Большинство ее приятелей пришли, нарядившись в костюмы пятидесятих годов. Уинстон зализал волосы, на нем были бабочка в горошек, черные мокасины, джинсы и белая рубашка. Другие парни, все в темных очках, были одеты в парусиновые шорты или «бермуды», клетчатые рубашки и белые носки. На девочках были юбки «солнце», короткие носочки, босоножки и кардиганы, застегивающиеся сзади на

пуговицы. Джессика, которая в прямом смысле находилась в лучах прожектора, раздобыла в комиссионке старую юбку с бахромой спереди. Ее светло-русые волосы были забраны назад и собраны высоко на голове в хвост с бантом. На Элизабет были черные брюки, не достающие до лодыжек, и белая блузка без рукавов.

Линн Генри, похоже, не пришла. Элизабет и не ожидала, что она появится. Насколько она знала Линн, школьные танцы были не в ее вкусе. Но Элизабет все равно не могла избавиться от мыслей о ней. Каждый раз, замечая Гая, играющего на сцене, она чувствовала ком в горле. Ах, если бы она могла рассказать ему!

Словно услышав ее, Гай подошел к микрофону. На нем были джинсы и белая футболка с закатанными рукавами. Его вид дополняли гладкие черные волосы и темные очки.

– Надеюсь, всем весело, – сказал Гай в микрофон, и собравшиеся начали радостно шуметь и аплодировать, так что потребовалось несколько минут для того, чтобы он опять завладел их вниманием. – Сейчас мы исполним совершенно особенную песню, – сказал Гай, посерьезнев. – Она написана совершенно замечательной девушкой – хотя мы не знаем, кто она и где она. Песня называется «Глядя извне», и сегодня ее исполнит наша солистка Дана Ларсон. – Это известие было встречено новым взрывом аплодисментов. – Я хочу посвятить эту песню, продолжил Гай, серьезным взглядом оглядывая толпу, – девушке, которая ее сочинила. – От

этого толпа просто взорвалась, так что Элизабет почти не слышала первых аккордов.

Глаза ее наполнились слезами, когда она услышала сильный, красивый голос Даны, поющей песню Линн:

– «День за днем я чувствую себя одинокой... День за днем я думаю только о нем...»

По выражению лица Гая, слушающего, как поет Дана, было понятно все. Он был так взволнован, что Элизабет почти испугалась, что Гай расплачется.

Музыка плыла, обволакивая зал. Люди качались в такт ей, нежно обняв друг друга.

«Это песня, под которую влюбляются, – подумала Элизабет. – А где же сейчас Линн? Одиноко ли ей? Хочет ли она обнять своего единственного?»

Элизабет казалось, что именно это чувствует Гай Чесни. Она была как никогда уверена сейчас, что именно о Гае мечтала Линн Генри в одиночестве все эти долгие дни и ночи.

Субботним вечером Линн сидела у себя наверху, в спальне, с расческой в руках.

«Все сейчас в школе на танцах, – подумала она, – а я одна дома. Интересно, что сейчас делает Гай? Играет вместе со всеми «Друидами»? А может, они играют, – она почувствовала слезы в глазах, – мою песню?»

Линн глубоко вздохнула. С самого утра, когда она столкнулась с Элизабет Уэйкфилд, Линн не переставала думать и начала приходить к мысли, что подошла к какому-то рубежу. Последние дни Линн была как никогда чувствительной, с новым вниманием прислушиваясь к тому, что ей говорили и советовали окружающие. Она до сих пор не могла поверить, как это Элизабет случилось услышать ее пение сегодня утром. Какое невезение!

Но слова Элизабет Линн приняла близко к сердцу. И с тех пор она почти ни о чем другом не думала. Возможно ли, чтобы Гай действительно искал ее? Что ее песня так сильно подействовала на него?

«Не забывай про Линду Ронстадт, – сказала себе Линн. – Не забывай выражения лица Гая, когда он рассказывал о любимых исполнителях».

Линн не могла поверить, что может когда-либо понравиться ему. Конечно, он хорошо относился к ней, как к дру-

гу. Он был с ней действительно добр. Он предложил подвезти ее на игру в софтбол и всегда выглядел счастливым, когда встречал ее в школе. Но чтобы она понравилась ему как девушка – ха! Этого не случится никогда.

Однако... Накануне вечером Линн приняла решение и была намерена его выполнить. Она решила, что ей надоело ходить неприбранной. Она действительно решила предпринять все усилия, чтобы привести себя в порядок. Уже сейчас она заметила улучшение, а ведь она просто начала носить контактные линзы и проявлять больше внимания к одежде. А сегодня вечером мама обещала сделать ей прическу и научить пользоваться косметикой!

– Линн, ты готова? – спросила миссис Генри, постучав в дверь.

– Готова, мама, – ответила Линн, вскакивая.

Ей не верилось, насколько приятнее теперь было с матерью. Обе даже получали удовольствие от общения.

Через десять минут мать уже вытирала ей полотенцем волосы, внимательно разглядывая отражение дочери в зеркале.

– Думаю, тебе нужно суметь использовать то, что волосы у тебя волнистые, но не выпускать их из-под контроля, – сказала она, поднимая волосы Линн вверх. – На самом деле, дорогая, у тебя очень красивые волосы. Думаю, их надо только подсушить феном. И немножко подровнять. Здесь много чего можно сделать!

Линн засмеялась.

– У меня такое ощущение, будто я – подопытный кролик, – сообщила она. – Как ты думаешь, людям всегда страшно, когда они вот так преобразуются?

– Конечно, – сказала мать. – Ты чувствуешь себя беззащитной, как будто на карту поставлено все, что у тебя есть.

Пока мать укладывала ей волосы, Линн сидела не шевелясь. Когда она была маленькой, она очень любила, когда расчесывали ее волосы.

– А что сегодня все делают в школе? – как бы невзначай спросила мать. – Там что, сегодня какие-то танцы? Я встретила в салоне миссис Мэтьюз, и она рассказала, что сын ее идет на какое-то мероприятие в спортзале.

Линн нахмурилась:

– Да, там танцы, но мне не захотелось идти.

Мать ничего не ответила, и вдруг Линн захотелось рассказать ей все про песню. Она начала говорить, запинаясь, и мать внимательно слушала, совсем не прерывая ее.

– Как здорово, – сказала она, когда Линн, наконец, закончила. – Я так горда за тебя, дорогая. Я бы очень хотела услышать эту песню!

Линн покраснела:

– То есть ты не считаешь, что я поступила как полная тупица, не подписав кассету?

– Да нет, конечно! Я понимаю, – сказала ей мать, – что нелегко рассказывать миру о своих чувствах. Знаешь, – задумчиво добавила она, – твой отец гордился бы, если бы

узнал о твоих музыкальных успехах. Он тоже всегда хотел писать песни. Но, думаю, ему не хватило мужества. Он всегда боялся обнажить душу.

Линн была просто в шоке. Мать никогда не говорила об отце! Ее охватила радость от того, что мать доверилась ей.

– А папа был действительно талантлив? – спросила она.

Миссис Генри задумалась.

– Он был несомненно талантлив, но он страшился успеха. Он был чрезвычайно испуганным человеком, а успех требует большого мужества.

Линн взглянула на мать.

– Я желаю добиться успеха, – сказала она, сглотнув. – Для этого мне нужна твоя помощь, мама. Я хочу как-то научиться быть смелее.

Мать обняла ее.

– У меня такое чувство, – нежно сказала она, – что у тебя получится.

– Надеюсь, – сказала Линн, в глазах ее блеснули слезы.

Взяв в руки фен и расческу, миссис Генри с любовью улыбнулась отражению Линн в зеркале.

– Тогда расскажи мне, – спокойно сказала она, включив фен на тихий ход, – немножко о Гае Чесни.

– Лиз! – воскликнул Гай, рванувшись ей навстречу через заполненный танцующими зал. – Я так надеялся, что смогу с тобой сегодня поговорить.

«Друиды» устроили себе заслуженный перерыв, предоста-

вив команде болельщиц поразвлекать гостей пятнадцать – двадцать минут.

– Ребята, вы прекрасно играли, – тепло сказала Элизабет. – Мне ужасно понравилась «Глядя извне». Песня звучала потрясающе в сопровождении ансамбля!

– Да, – задумчиво отведи Гай, – но далеко не так хорошо, как она звучала бы в исполнении настоящей певицы.

– Хорошо, что Дана тебя не слышала, – заметила Элизабет.

– Пойми меня правильно, Дана – самая лучшая. Но дело в том, что песня такая особенная. И таинственная певица исполняет ее так прекрасно.

– Знаю, – ответила Элизабет, избегая его взгляда.

Она опасалась, что если он заглянет ей в глаза, то поймет, что она знает имя певицы. Ей казалось, что секрет написан у нее на лбу.

– Лиз, – неожиданно сказал Гай, – я схожу с ума. Я этого больше не вынесу. Я чувствую, что обязан узнать, кто она. Я хочу поместить объявление в «Оракуле». Ты мне поможешь написать его?

Элизабет покачала головой:

– Ты должен прекратить искать ее, Гай.

– Что? Ты шутишь?

– Нет, – ответила Элизабет. – Не шучу. Гай, что ты ответишь, если я скажу, что она не желает, чтобы ее нашли?

Глаза Гая широко раскрылись.

– Ты что-то знаешь! – воскликнул он, схватив ее за руку. – Лиз, что происходит? Ты что-то слышала? Кто-то тебе сказал...

– Я не могу ответить тебе, – сказала Лиз.

Чувствовала она себя ужасно. Он выглядел таким растерянным, и она правда хотела помочь ему, особенно потому, что она поняла сегодня утром, как мучилась Линн, пытаясь остаться неизвестной. Но она считала, что не может нарушить слова.

– Давай выйдем, – предложил Гай, оглядываясь в смятении на толпу болтающих и смеющихся в полутемном спортзале школьников. – Мне нужно поговорить с тобой, Лиз. Такое впечатление, что я схожу с ума. Ты – единственный человек, с которым я могу поговорить.

– Хорошо, – со вздохом ответила Элизабет. – Но не думаю, что смогу серьезно тебе помочь.

На улице было прохладно, к тому же приятно было вдруг оказаться в тишине. Элизабет присела рядом с Гаем на травянистом склоне перед школой и посмотрела на серебристый диск луны.

«Какая прекрасная ночь», – подумала она.

– Лиз, – негромко произнес Гай встревоженным голосом, – я не понимаю, что со мной происходит. Последние два дня... Я не знаю почему, но я веду себя как сумасшедший. Я не могу уснуть, я не хочу есть, я...

– Ты влюбился, – ответила с улыбкой Элизабет. – Все

симптомы налицо, Гай.

– Влюбился? – Гай взглянул на нее широко раскрытыми глазами.

Через минуту, покрутив в руках травинку, он неуверенно улыбнулся.

– Да, наверное, так и есть, – произнес он скептически. – Но скажи мне, это нормально – влюбиться в голос на кассете! По-моему, ничего более идиотского я в жизни своей не слышал.

– Почему же, если это тот самый голос, – с чувством сказала Элизабет.

– Ну и что я должен теперь делать? – Он выпрямился и пальцами разгладил волосы, после чего с неудовольствием посмотрел на остатки бриллиантина на руках. – Не могу поверить, что люди действительно все время мазали этим волосы, – сказал он, вытирая ладони о траву. – Лиз, я совершенно разбит. Ты должна мне помочь!

Элизабет тяжело вздохнула и мягко сказала:

– Я хочу помочь тебе. Но я обещала этой девушке – этой таинственной песеннице, что никому не расскажу, кто она. Я не могу нарушить своего слова, Гай. Я чувствую себя ужасно.

– То есть ты ее видела? – Гай наклонился вперед, лицо его просветлело. – Господи, Лиз, я не мог поверить, что она действительно существует! Слово... – Он отвернулся в сторону, голос его прервался. – Эта песня... Такое впечатление, что она поет именно для меня. Ты понимаешь, о чем я го-

ворю?

– Да, – ответила Элизабет, не глядя на него, – понимаю.

– Не могу представить, что мог бы действительно увидеть ее. Сейчас это так трудно вообразить. Она в каком классе? Я знаю ее?

– Я, правда, не могу тебе сказать, – упрямо повторила Элизабет. – Но думаю, что ты ее знаешь, – добавила она с чувством вины, не будучи уверенной, позволительно ли выдавать даже такой маленький кусочек тайны.

– Скажи мне только одно, – взволнованно сказал Гай. – Мне нужно спешить, Лиз. Через несколько минут мы должны опять начать играть. Но я должен знать одно: почему она хочет, чтобы никто о ней не знал?

Элизабет напряженно задумалась. Она сомневалась, как ответить. Могла ли она повторить слова Линн и не выдать тем самым ее секрета?

– Она застенчива, – неуверенно сказала Элизабет, однако мысль ее работала быстро. – Я думаю, что она боится привлечь внимание, и еще... – Голос ее сбился.

– И еще что?

– И еще, думаю, она стесняется своей внешности. Она считает, что у людей есть совершенно определенные понятия о том, как должны выглядеть артисты. И ей кажется, что она не соответствует этим стандартам. Она считает, что люди ожидают видеть на сцене кого-нибудь вроде Линды Ронстадт. И что они бывают разочарованы, если это не так.

Гай взглянул на нее.

– Линда Ронстадт... – повторил он, словно это имя ассоциировалось для него с чем-то.

Внезапно он вскочил на ноги.

– Она так и сказала? Она назвала Линду Ронстадт?

– Да, – ответила Элизабет, пораженная его реакцией. – Ну и что из этого следует?

– Элизабет, – ответил Гай, – ты спасла мне жизнь! – Он издал радостный вопль и начал скакать по газону. – Не знаю, как благодарить тебя!

Элизабет посмотрела на него. Что же она такого сказала? Он вел себя так – ну, как будто она каким-то образом подсказала ему, кто эта таинственная певица. Но она совершенно не представляла, как это произошло.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросила миссис Генри, повернув Линн в кресле на втором этаже в салоне «Серебряная дверь». – Кажется, тени хорошо оттеняют золотые блески в твоих глазах.

Был воскресный день, и салон был пуст.

«Идеальное время для экспериментирования», – сказала мать.

И это был действительно эксперимент! Линн не могла поверить, чего сегодня только не было: сауна, маникюр, упражнения, косметика и урок ухода за кожей.

– Мама, это выглядит прекрасно, – с благодарностью сказала Линн, у которой ком стоял в горле.

Ей казалось невероятным, насколько мать стремилась помочь ей. Столько лет Линн вела себя как какое-то отродье, отказывая матери в доверии, была враждебной и упрямой. Все теперь переменялось, и Линн с болью в сердце наблюдала, насколько легко оказалось преодолеть расстояние между ними. Оказывается, мать всегда была готова к этому и ждала – а отчуждение было целиком ее, Линн, виной.

Миссис Генри вздохнула.

– Хорошо бы, чтобы было так же легко заставить тебя и внутри чувствовать себя столь же прекрасно, – сказала она. – Что касается внешнего вида, то ты другой человек! Но... –

сделала она многозначительную паузу, – ощущаешь ли ты себя лучше изнутри? Знаешь, это ведь самое главное.

– Я знаю, – серьезно ответила Линн, высоко подняв голову, чтобы рассмотреть в зеркале, как лежит косметика. – Честно говоря, мам, я пока просто не знаю. Но я знаю, что хочу попробовать, – добавила она. – Ведь это уже что-то, не правда ли?

Мать неожиданно обняла ее.

– Это и есть самое главное.

Линн еще раз украдкой взглянула на себя. Мама была права – она выглядела другим человеком. На ней было красное хлопчатобумажное платье с белым поясом. Платье доходило ей до колен – по мнению миссис Генри, это как раз подходило для ее роста. Линн должна была признать – и в целом она выглядела великолепно. В ярком и мягком платье она казалась более фигуристой, чем обычно. В нем было так же удобно, как и в ее старом свитере и джинсах, но выглядела она очень красиво и элегантно! Волосы нежно обрамляли лицо, а глаза, с учетом косметики и без очков, казались огромными. Выглядела она – как ни трудно ей было это признать, – очень неплохо. Не красавица, но девушка интересная. Хотя и не лицо для обложки пластинки...

Тем не менее одно дело быть высокого мнения о себе в пустынном салоне, рядом с матерью, и совсем другое дело – встретиться завтра с ребятами в школе в таком виде. Линн сразу начинала волноваться, когда думала о том, чтобы при-

знать авторство песни «Глядя извне». Почему-то она совсем не могла этого представить. Эта песня написана прежней Линн Генри. Так почему бы не оставить тайну нераскрытой? Через несколько недель или месяцев она напишет новую песню, уже под своим именем...

Она до сих пор не была готова признать авторство песни, которая завоевала сердце Гая Чесни.

Когда Линн думала о Гае, сердце ее начинало биться быстрее. Как он отнесется к ее новому виду? Не посмеется ли над ней за попытку лучше выглядеть? Она не могла представить, что он поведет себя не по-доброму, но все равно волновалась.

А на следующий день, с тревогой вспомнила она, «Друиды» собираются объявить победителя песенного конкурса. Будет ли ее песне дано право участвовать, если она не признает авторства, или же песня будет снята?

Даже не желая соблюдать все правила, Линн тем не менее очень хотела, чтобы песня ее выиграла. «Глядя извне» действительно ей нравилась. Она всегда останется для Линн особенной. И ей хотелось, чтобы «Друиды» относились к ее песне так же.

– Эй, – миссис Генри посмотрела на нее вопросительно, – я тебя спрашиваю, не хочешь ли остановиться по дороге домой и купить салат или что-то еще на ужин? Ты хочешь есть?

Линн с трудом выдавила из себя улыбку.

– Мама, огромное спасибо за все, – сказала она, подско-

чив и крепко обняв мать. – Я настолько лучше выгляжу. Это просто словно ожившая мечта! И я с удовольствием куплю что-нибудь к ужину, – закончила она, с благодарностью глядя на мать.

Линн не могла оставить мать одну во время еды. Она не могла сказать ей, что вовсе не голодна и что живот у нее крутило. У Линн было такое чувство, что, пока она не увидит снова Гая Чесни, эти проказы желудка не прекратятся.

В понедельник утром, когда Линн уже собиралась выходить из дому, зазвонил телефон.

– Черт побери, – сказала она вслух.

Ей не хотелось опаздывать, но она так долго одевалась, что уже на пять минут выбилась из графика. Хотя, несомненно, результат заслуживал этого. На ней были узкие черные джинсы, белая футболка и яркий хлопчатобумажный жилет. Костюм дополняли черные туфли на плоской подошве, которые нисколько не добавляли ей росту. Впервые в жизни Линн одевалась с удовольствием. Последние штрихи – черные серьги и совсем немного косметики – заняли столько же времени, сколько завтрак. Но это было здорово! И она знала, что выглядит хорошо.

– Линн, ты возьмешь трубку? – спросила мама со второго этажа.

– Конечно! – ответила Линн, подбегая к телефону.

Она взяла трубку после четвертого звонка.

– Здравствуйте, – произнес негромко знакомый голос на

другом конце провода. – Можно поговорить с Линн?

– Это я, – ответила она, про себя думая:

«Кто же это может быть?»

– Линн, это Гай Чесни.

Линн чуть не обронила трубку. Но «новая» Линн сумела быстро взять себя в руки.

– О, здравствуй, – произнесла она, выдержав правильное сочетание удивления и нормального интереса в голосе. – Что случилось? Я как раз собиралась выходить.

– Я потому и звоню, – ответил Гай. – Я тоже выхожу и подумал, что, может быть, мы пойдем вместе?

Линн показалось, что сердце ее сейчас остановится. Она не верила своим ушам. Гай Чесни звонит ей, чтобы спросить, не хочет ли она пойти вместе с ним! Прежняя Линн Генри чуть не упала в обморок от неожиданности и восторга. Но, слава богу, новая Линн Генри ответила с абсолютным хладнокровием:

– Это было бы прекрасно. Давай через несколько минут встретимся на углу?

– Отлично! – ответил Гай.

Перед тем как повесить трубку, Линн долго смотрела на нее. Она не могла в это поверить. Возможно ли, что Гаю Чесни действительно нравится быть с ней? Что он хочет быть с ней?

«Не теряй голову, – предупредила прежняя Линн Генри. – Он просто хочет вместе с тобой идти в школу. Это еще не

свидание!»

Линн выпятила упрямый подбородок. Но это все-таки начало. Она прямо летела к назначенному углу улицы, не в силах подавить наполнявшее ее радостное чувство. Когда она дошла до угла, Гай уже стоял там.

– Привет, – сказал он, изучающе разглядывая ее, словно пытаясь понять, что в ней изменилось. – Слушай, ты превосходно выглядишь! – воскликнул он. – Я не знал, что за твоими очками прячутся такие красивые глаза.

Линн улыбнулась не в силах ответить.

Некоторое время они шли молча – это было легкое, приятное молчание, периодически оттеняемое веселым насвистыванием Гая.

– Ты сегодня явно в настроении, – заметила Линн, внимательно глядя на него. – Что произошло?

– Ну, знаешь ведь, «Друиды» сегодня во время обеда объявят победителя песенного конкурса, – напомнил он. – Я просто очень рад, что мы нашли такую замечательную песню. Будет чрезвычайно приятно объявить победителя.

– Да? – У Линн пересохло в горле. – Ну и кто победитель? – спросила она, пытаясь не выдать волнения.

– Строго говоря, это было ясно с самого начала, – ответил Гай с улыбкой. – То есть с самого начала для нас было ясно, что у нас появилась песня, которая намного лучше всего того, что кто-то еще в нашем возрасте мог бы сочинить. Мне она настолько понравилась, что я написал к ней аранжиров-

ку, и мы исполнили песню на танцах в субботу – хотя, конечно, мы не объявили ее как песню-победительницу.

– А что это за песня? – опять тихо спросила Линн.

– Конечно же, «Глядя извне», – укоризненно ответил Гай. – Помнишь, ты слушала ее на моем плеере?

– Да, – прошептала Линн.

– Ну? – спросил Гай. – Разве она не великолепна? Ты можешь предложить лучшего соискателя?

С минуту Линн ничего не отвечала.

– Но ты не знаешь, кто автор песни, – сказала она, хотя сердце ее тяжело колотилось. – Как ты собираешься решить эту проблему?

– Тайна разгадана, – легко произнес Гай с таким видом, как будто он получает большое удовольствие от происходящего.

Линн посмотрела на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну хорошо, – ответил он. – У отца есть друг – великолепный художник – его зовут Чарли Портер. Он работает для полиции. Он рисует портреты, которые вывешивают в полицейских участках и показывают в новостях. Понимаешь, портреты, которые рисуют по словесному описанию.

Линн почувствовала волну облегчения. В какой-то момент она испугалась, что Элизабет выдала ее. Но, похоже, Гай ни о чем не знал.

– Короче, – продолжал он, – вчера вечером я проиграл

Чарли запись песни. Сам я столько раз ее слышал и так много думал об этой певице, что смог идеально ее описать. Все в деталях – волосы, глаза...

– А можно взглянуть на портрет? – спросила Линн, почувствовав ком в горле.

Она понимала, что это глупо, но уже начала ревновать к этой анонимной певице. Гай влюблен в призрак! Ах, если бы он знал...

– Нет, – ответил Гай, нежно глядя на нее. – Это будет сюрпризом. Элизабет Уэйкфилд помогает мне размножить листовку, которую мы раздадим сегодня во время обеденного перерыва. Там будет эксклюзивный рассказ о моей таинственной песеннице и рядом с рассказом будет портрет. Тогда и посмотришь, – завершил он, явно довольный собственным планом.

Линн ощутила большое любопытство.

– Ты явно без ума от этой певицы, не правда ли? – осторожно спросила она, поражаясь собственной смелости.

Гай посмотрел ей в глаза, лицо его неожиданно стало серьезным.

– Да, – произнес он, глубоко вздохнув. – Думаю, я влюбился в нее. Тебе это кажется ненормальным?

– Нет, – скучно ответила Линн.

Это не казалось ей ненормальным. Не более ненормальным, чем все остальное.

Она не могла этому поверить. И ведь сама виновата! Хва-

тило бы у нее мужества подписать кассету своим собственным именем, и этого никогда бы не произошло. Теперь у нее тайная соперница, которой на самом деле не существует!

Линн была убеждена, что во время обеденного перерыва будет подвергнута унижению. Конечно же, Гай описал художнику девушку своей мечты. Знойную, прекрасную, недосыгаемо идеальную – кого-то, очень похожего на Линду Ронстадт.

И портрет этой прекрасной девушки будет напечатан над словами ее песни.

Линн не могла поверить, что утро наконец закончилось. Казалось, несколько дней прошло с того момента, как она распрощалась с Гаем у питьевого фонтанчика в главном фойе перед началом часа самостоятельных занятий. Уроки тянулись невыносимо медленно. Думать она могла только об обеденном перерыве и листовках с портретом вымышленной девушки. Более того, все, с кем она встречалась в этот день, комментировали ее «новый» вид. Сознание того, что все обращают внимание на ее внешность, наполняло Линн страхом и неуверенностью.

Итак, обеденный перерыв наступил. Линн радовалась тому, что все наконец закончится. Она совершила ошибку, с самого начала не признавшись в авторстве своей работы, и теперь платила за нее, платила всякий раз, когда видела выражение лица Гая и понимала, что он на самом деле влюблен в несуществующую девушку. Но она усвоила этот урок.

– Линн! – раздался рядом с ней негромкий голос.

Это была Элизабет Уэйкфилд, лицо которой выражало одновременно любопытство и сочувствие.

– Привет, Лиз, – сказала Линн, дрожащими пальцами отпирая свой ящик в раздевалке. – Говорят, ты будешь в обед раздавать листовки с портретом загадочной певицы?

– Да, – ответила Элизабет. – Но откуда...

– Лиз! – позвал Гай из другого конца фойе. – Иди сюда! Ты должна мне помочь раздавать эти штуки.

Элизабет вздохнула.

– Поговорим потом, – извиняющимся тоном сказала она, отходя в сторону. – Но откуда он узнал? – спросила она с удивлением.

«Откуда он... – Линн посмотрела ей вслед. – Откуда он узнал – что? Что Лиз имеет в виду?»

С опущенной головой Линн последовала в направлении кафетерия. Она совсем позабыла про свой новый облик. Прежняя Линн завладела ситуацией. Она чувствовала себя неловкой, огромной, неуклюжей – и очень одинокой.

Пересчитывая в руке мелочь, она, не глядя по сторонам и не замечая, что происходит, встала в очередь. В следующее мгновение вокруг нее собралась толпа, все наперебой поздравляли ее, спрашивали: «Как у тебя это получилось?» и «Давно ты начала писать такие песни?»

Она не могла поверить собственным ушам.

– О чем вы говорите? – воскликнула она, когда Кэролайн

Пирс похлопывала ее по спине. – Какая песня? О чем вы говорите?

– Смотри сюда! – Уинстон протянул ей лист бумаги.

У Линн перехватило дыхание. Заголовок гласил: «Таинственная песенница – победитель конкурса!» А ниже, над прекрасно отпечатанным текстом песни, было помещено нарисованное художником ее лицо.

Отрицать было бесполезно. Гай описал певицу во всех деталях – мягкие, слегка непослушные волосы; большие глаза в форме миндаля; упрямый подбородок; лицо, выражающее что-то среднее между задумчивостью и смехом. Это было ее лицо. Не лицо прежней Линн Генри, а то лицо, которое она представляла себе, когда закрывала глаза и пыталась создать для себя свой образ.

Неожиданно она почувствовала головокружение. Она даже не могла задуматься над тем, как это Гай догадался, что это она написала песню. Ее слишком отвлекали возгласы одноклассников. Толпа была настолько активной, что Линн не могла продолжать стоять в очереди.

– Линн! Линн! – скандировали все, как будто она была какой-то звездой.

Как будто она была кем-то.

Внезапно Линн остановила взгляд на одном из лиц. Это был Гай, и он смотрел на нее, как будто...

Она вдруг вспомнила его слова:

«Я думаю, что влюбился в нее».

А он ведь знал, что это ее песня! Неужели он говорил правду? Неужели правда, что он мог влюбиться в нее?

– Линн! – голосом, прерывающимся от волнения, окликнул ее Гай.

Через минуту он пробрался через толпу и схватил ее за руки.

– «Друиды» хотели бы знать, не споешь ли ты прямо сейчас свою песню. Администрация разрешила нам включить магнитофон, а я буду аккомпанировать тебе на гитаре.

С глазами, полными слез, Линн смотрела на него.

– Откуда ты узнал? – спросила она негромко.

– Потом расскажу, – ответил он, улыбнувшись.

Внезапно он погладил ее ладонь.

– Так ты споешь для нас? Ну ответь же «да», Линн, пожалуйста!

– Хорошо, – ответила Линн, глядя ему в глаза.

Через несколько минут она уже стояла с микрофоном в руках рядом с Гаем перед собравшимися в кафетерии. Дана Ларсон представила ее, и все, кто находились в столовой, закричали и зааплодировали.

Линн набрала в грудь побольше воздуха и повернулась, чтобы посмотреть на Гая. Все, что ей было нужно, – это его ободряющая улыбка. Она чувствовала, что поет лучше, чем когда-либо в жизни.

– «День за днем я чувствую себя одинокой», – запела она чистым и сильным голосом.

В толпе собравшихся она увидела Элизабет Уэйкфилд, которая с гордостью улыбалась ей, а в глубине зала стоял и слушал, удивленно улыбаясь, мистер Коллинз. Линн знала, что поет хорошо. В глазах ее стояли слезы – ведь это была ее песня для Гая, и он знал об этом. Каждое слово было рождено ее сердцем.

Она почти не слышала грома аплодисментов, которым и были встречены последние слова песни. Гай схватил ее за руку.

– Давай уйдем отсюда, – сказал он хрипло, и она проследовала за ним через входную дверь на лужайку, обычно заполненную в это время обедающими школьниками.

Сегодня, однако, все набились внутрь, чтобы услышать песню, и лужайка была пуста. Линн вспомнила, как не раз представляла себе этот момент. И вот она здесь, ее рука в его руке...

В следующее мгновение Гай обнял ее и так поцеловал, как будто надеялся, что этот миг продлится вечно.

– Ах, Гай! – вырвалось из уст Линн, с изумлением глядящей на него.

Все было так же, как и в ее волшебных мечтах. Ей так хотелось найти способ рассказать ему, насколько это здорово, когда реальная жизнь оказывается еще лучше, чем мечта. Но, судя по его глазам, она чувствовала, что объяснять ничего не нужно.

– Я люблю тебя, – замороженно произнес Гай, тронув ее

за подбородок.

И она знала, что он в этот момент чувствует то же, что и она. Они оба очнулись от сна. И каждый из них обнаружил, что именно здесь начинается настоящее счастье – прямо здесь, в реальном мире, в объятиях друг друга.

– Подвинься, Лила! – воскликнула Джессика, резким движением развернув и расстилая рядом с подругой свое огромное пляжное полотенце.

Группа школьников решила днем после школы отправиться на пляж, и Джессика пыталась так расстелить свое полотенце, чтобы ее тело получило как можно больше солнца.

– Я почти сплю, – простионала Лила. – Если я подвинусь, то проснусь от бесподобного сна.

– Тогда просыпайся, – ответила Джессика. – Ты своей тушей занимаешь лучшую часть пляжа.

Лила села и театральным жестом закрыла себе лицо:

– Джессика, ты ведешь себя как ребенок. Как может одна часть пляжа быть лучше...

– Расскажи мне свой сон, – прервала ее Джессика, падая на полотенце и протягивая руку за маслом для загара.

– Таинственный нефтяной магнат на борту собственного самолета делал мне предложение, – сказала Лила. – В руках он держал бриллиант размером с куриное яйцо.

Джессика рассмеялась:

– Лила, по мне это больше похоже на ночной кошмар. Я буду лучше мечтать о твоём двоюродном брате Кристофере. Когда он приезжает?

– Не знаю, – ответила Лила, оттянув ткань купальника на

сантиметр от кожи и разглядывая линию загара. – В отличие от других людей Кристофер не придерживается четких дат. – Она посмотрела на Джессику с таким видом, как будто нет ничего страшнее на свете, чем придерживаться дат.

– А-а, – протянула не вполне согласная с этим Джессика.

– Но это наверняка произойдет на следующей неделе или через одну. И уж когда он придет, я устрою самую грандиозную гулянку за всю историю школы Ласковой Долины.

Джессика рассмеялась.

– В этом я не сомневаюсь, – заметила она, потеряв интерес к теме.

Она увидела парочку, прогуливающуюся по пляжу, держащуюся за руки.

– Что ты думаешь о Линн Генри и Гае Чесни? – спросила она. – Похоже, с помощью своей песни Линн выиграла нечто большее, чем первое место на конкурсе!

Лиля искоса взглянула на пляж.

– Должна признать, что теперь она выглядит намного лучше. Может быть, любовь красит ее.

– Может быть, – задумчиво сказала Джессика. – А Гай симпатичный, не правда ли?

Лиля вздохнула:

– Подожди, когда увидишь Кристофера. После того как ты с ним встретишься, никто здесь не покажется тебе симпатичным!

Джессика уже хотела заявить, что Кристофера она, может

быть, никогда и не увидит, как вдруг их окружила толпа девочек из «Пи Бета Альфа» – клуба, к которому принадлежали и Лила с Джессикой. Ясное дело, с беседой на личные темы придется обождать. Джессика являлась президентом этого элитарного клуба, к которому Элизабет принадлежала лишь формально.

– Эстафета, которую вы устроили в субботу, была потрясающим успехом! – воскликнула Лиса Рид.

Джессика с благодарностью посмотрела на нее. Лиса, чернокожая девушка с короткими курчавыми волосами и потрясающей фигурой, училась в старшем классе.

– Да, это было здорово, – согласилась она. – И мы собрали столько денег! У нас их больше чем достаточно, чтобы купить новую форму для всей команды.

– Не забывай, – заметила Лила, приподняв бровь, – что тебе еще предстоит собрать обещанные деньги. Ты об этом помнишь?

Джессика передернула плечами:

– Ну, это будет легко. Не порть нам настроение, Лила.

– Это кто кому портит настроение? – спросила подошедшая к группе Инид Роллинз с пляжным полотенцем на руке. – Джес, ты нигде не видела Лиз? Мы с ней должны были здесь встретиться в три тридцать.

Джессика покачала головой:

– Мне она сказала, что должна что-то занести домой, перед тем как прийти сюда. Может, она где-то застряла?

Инид нахмурилась:

– А что касается формы, то мы или должны объявить просмотр кандидатур на замещение места Элен Брэдли, или нам придется покупать на один комплект формы меньше, – заметила Кара.

– Я не вынесу новых просмотров, это будет ужасно! – простонала Джессика.

– Да ладно, Джес, – упрекнула ее Кара. – Это необходимо сделать. И лучше не откладывать. Насколько я слышала, Брэдли, возможно, уже нашли покупателя для своего дома. Это означает, что они могут уехать в любой день.

– Хорошо-хорошо, – согласилась Джессика, наблюдая, как Инид расстилает рядом свое полотенце.

Следующие несколько минут беседа шла на разные темы – потрясающий успех субботней эстафеты «Качаемся без перерыва»; новая форма для команды болельщиц; двоюродный брат Лилы Кристофер и предстоящая вечеринка. Наконец Лиса упомянула Линн Генри, и тут начались серьезные сплетни.

– Говорят, она, возможно, будет проходить прослушивание в известной рок-группе в Лос-Анджелесе, – сказала Кэролайн Пирс, пересыпая горстью песок.

– А я слышала, что мать записала ее на шестимесячный курс преображения в салоне «Серебряная дверь», – добавила Лила Фаулер.

– Да ладно вам злословить, – заметила со своего места си-

дящая поодаль Инид. – Я думаю, что она так хорошо выглядит потому, что счастлива. И она наконец получила признание за то единственное, что она любит больше всего на свете – ее музыку!

– А по-моему, больше всего на свете она любит Гая Чесни, – сказала Робин Уилсон и рассмеялась.

Но смех ее был добрым. Робин, которая была вторым капитаном команды болельщиц, знала, что это означает – превратиться из гадкого утенка в лебедя. Чтобы ее приняли в команду, Робин сбросила лишний вес – и обрела порядком самоуважения. Она сердцем сочувствовала Линн, и было очевидно, что она симпатизирует ей и гордится ею.

– Ну, я думаю, это настоящее чудо, – радостно сказала Лиса Рид. – Как в сказке. Надеюсь, что когда-нибудь и я найду своего принца, так же, как Линн Генри!

Все рассмеялись.

– Смотрите, вот и Лиз, – внезапно сказала Инид, прикрыв рукой глаза от солнца. – Странно, почему она не в купальнике?

Все посмотрели в сторону Элизабет, которая бежала в их направлении, все еще в телесного цвета шортах и майке, которые были на ней в школе.

– Слушайте... – Она задыхалась на бегу.

Рухнув на песок, она помахала каким-то листком бумага и лишь потом заговорила:

– Вы в жизни не поверите, что я только что узнала!

– Что такое? – спросила Джессика. – Все ли в порядке?

– Да, в порядке, – заверила ее Элизабет. – Лучше, чем в порядке! Я сейчас только получила отличную новость.

– Какую новость? – с любопытством спросила Кара.

Элизабет взглянула на свою одежду и прищелкнула языком.

– Я так спешила вам это рассказать, что даже не переоделась. – Она потрянула волосами. – Да, наверное, лучше я начну сначала. Кто-нибудь из вас помнит Эми Саттон?

Некоторые девочки недоуменно взглянули в ответ, однако Кара, Лила, Кэролайн и другие вспомнили ее сразу.

– Ты имеешь в виду ту девочку из пятого класса? – спросила Кэролайн.

Элизабет кивнула:

– Помните, в пятом классе она была моей лучшей подругой?

– Правильно! – щелкнула пальцами Лила. – Вы вдвоем были, как бы это выразиться, – как хлеб и масло.

– Как ореховое масло и джем, – сказала Джессика.

– Девчонки! – протестуя шутливо, воскликнула Элизабет. – Это серьезное дело! Короче, помните, Эми переехала в Коннектикут? Ее матери предложили великолепную работу, и они не могли отказаться.

– Верно, – сказала Джессика. – Я помню, как вы обе тогда расстроились. Казалось, что Коннектикут находится на другом конце света.

– Ну, вообще-то он далеко, – заметила Элизабет. – Коро-
че, с тех пор, как они переехали, мы почти не виделись. Я
раз ездила в Коннектикут, она приезжала сюда раз или два,
но через пару лет у нас появились новые друзья.

Лила нахмурилась.

– Ну и что теперь? Где Эми сейчас?

Элизабет помахала письмом, ее возбуждение вновь вер-
нулось.

– А вот и чудесная новость. Вы знаете, что мать у нее
спортивный комментатор. Станция, на которой она работает
в Коннектикуте, довольно маленькая. Зато теперь ей пред-
ложили хорошее место на станции Дабл-ю-экс-эй-эн!

– Ты хочешь сказать, что семья их возвращается в Кали-
форнию? – спросила Джессика, хлопнув в ладоши. – Лиз, это
замечательно!

– Более того, они возвращаются в Ласковую Долину. И
самое смешное то, что они купили дом Брэдли, – сообщила
Элизабет. – До сих пор не могу в это поверить, – добавила
она, качая головой. – Я все пытаюсь себя ущипнуть. Не могу
поверить, что она снова возвращается!

– Когда они переезжают? – спросила Инид упавшим голо-
сом.

– На следующей неделе, – ответила Элизабет, улыбаясь
ей. – Инид, я жду не дождусь, чтобы познакомить тебя с Эми!
Вы друг другу понравитесь.

Инид на это не ответила.

– А вы все это время общались друг с другом? – спросила Кара. – Письма друг другу писали?

Элизабет покачала головой.

– Да нет, не часто. На Рождество и на дни рождения, в общем, это и все. Поэтому я так удивилась сегодня, увидев ее почерк на конверте.

Лила улыбнулась:

– Ну, с учетом возвращения Эми в Ласковую Долину и приезда моего двоюродного брата Кристофера теперь уже в любой день, похоже, что предстоящие недели будут очень интересными.

Элизабет обняла себя за плечи. Она была так рада приезду Эми! Она не могла представить для себя лучшей новости. Ей так хотелось, чтобы дни до ее возвращения пролетели как можно быстрее.

Она была так возбуждена, что не замечала грусти на лице Инид Роллинз.

Инид была лучшей подругой Элизабет очень-очень давно. Но, очевидно, не так давно, как Эми Саттон!

И Инид все время задавала себе вопрос:

«А останется ли у Элизабет время на меня, когда на следующей неделе в дом Брэдли въедет ее бывшая лучшая подруга?»